

18+

Цикл Академия Аверн. Книга 1.

Не произноси моё имя

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

Не произноси моё имя

<https://litres.ru/74155012>

ISBN 9785007022972

Аннотация

Эйра приехала в Аверн с одним чемоданом, стипендией и твёрдым намерением не быть ни для кого загадкой.

Не вышло.

Профессор Блэк смотрит на неё так, будто она — ответ на вопрос, который он боится задать вслух. А по ночам в её тетради появляются чужие строки. Чужим почерком. Чужой рукой.

Мёртвые молчат. Но не с ней.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Девушка профессора Блэка	6
ГЛАВА 1	22
Семь уровней вниз	22
ГЛАВА 2	39
Чужая тишина	39
ГЛАВА 3	57
Теория порога	57
ГЛАВА 4	68
Холодная точка	68
ГЛАВА 5	82
Первое предупреждение	82
ГЛАВА 6	95
Эксперимент	95
ГЛАВА 7	109
Первый разговор	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Не произноси моё имя

Маргарита Кирова

© Маргарита Кирова, 2026

ISBN 978-5-0070-2297-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Девушка профессора Блэка

В Аверне меня поставили в центр ритуального круга не сразу.

Сначала меня вывели на камень, тёплый, как кожа после лихорадки. Сначала на запястья надели тонкие серебряные браслеты, которые назывались учебными ограничителями, хотя выглядели как украшение для плохого праздника. Сначала старшекурсники расселись вокруг и сделали лица людей, которые видели всё и заранее решили, что чужой страх скучен.

Потом профессор Велор сказала:

— Мисс Вейн продемонстрирует редкий тип сопротивления жизненному обмену.

И вот тогда я поняла: меня собираются не учить.

Меня собираются показать.

— Я не давала согласия на демонстрацию, — сказала я.

Голос прозвучал ровно. Почти.

На самом деле внутри у меня всё дрожало. От злости больше, чем от страха, но тело не подписывает пояснительных записок. Ему всё равно, почему дрожать. Оно просто делает это.

Велор улыбнулась.

Она была из тех женщин, которые улыбаются так, будто точили зубы о чужие ошибки. Золотые волосы в гладком уз-

ле, чёрная мантия сидит идеально, на шее тонкая цепочка с ритуальным ключом. Говорили, раньше она была генератором высшего класса. Говорили, профессор Блэк сам отказался от неё после трёх закрытых практик. Говорили много. В Аверне слухи жили лучше студентов.

— Согласие, мисс Вейн, уже дано вами при подписании учебного договора, — сказала Велор. — Пункт шестой. Практическая проверка магического профиля.

— Проверка не означает, что меня можно раздеть перед аудиторией.

Кто-то из студентов тихо присвистнул.

На мне было простое учебное платье из тонкой серой ткани. Плечи открыты для датчиков, спина тоже, до нижних рёбер. Не голая. Но достаточно, чтобы каждый взгляд чувствовался пальцами. Ткань липла к телу от жара круга. На животе, под кожей, будто ползла холодная нить.

— Раздевание не предусмотрено, — ответила Велор. — Если только ваша реакция не потребует прямого контакта.

— Моё «нет» тоже не предусмотрено?

Она сделала шаг ко мне.

— В Аверне учатся взрослые люди. Им приходится понимать, что магия не спрашивает, удобно ли вам.

— Зато люди могут спросить.

И тут один из старшекурсников засмеялся.

Не громко. Просто коротко фыркнул.

Мне захотелось ударить его. Не магией. Табуретом, если

бы под рукой был табурет. Но табуретов в ритуальном зале не держали. Возможно, именно поэтому академия существовала до сих пор.

— Начинаем, — сказала Велор.

Браслеты на моих запястьях нагрелись.

Круг вспыхнул.

Сначала ничего не произошло. Несколько секунд я стояла в центре, чувствуя на себе взгляды, и думала, что, возможно, сейчас случится позорная ерунда: камень просто погаснет, как на первом измерении. Все разочаруются. Я уйду. Тавита скажет что-нибудь грубое и доброе. Мы выпьем отвратительный чай.

Потом ритуал потянулся ко мне.

Не рукой.

Ртом.

Я не знаю, почему подумала именно так. Просто почувствовала: под камнем проснулось что-то, что не хотело измерять. Оно хотело попробовать. Жар поднялся по ногам, выше колен, выше бёдер. Не боль. Хуже. Чужая ласка без разрешения. Тело испугалось быстрее ума: живот сжался, дыхание сорвалось, грудь болезненно напряглась под тонкой тканью, и мне стало так стыдно, будто это я сделала что-то непристойное, а не круг.

— Интересно, — сказала Велор.

— Остановите.

— Ещё рано.

— Я сказала, остановите.

— Мисс Вейн, не драматизируйте.

Камень под ступнями стал горячее. Серебро на запястьях впилось в кожу. Я попыталась шагнуть назад, но браслеты не дали. Один из студентов наклонился вперёд, рассматривая меня так, будто я была страницей редкого атласа.

Во мне что-то щёлкнуло.

Злость.

Хорошая, чистая, почти вкусная.

— Ещё раз, — сказала я, глядя прямо на Велор. — Остановите.

— Иначе что?

Двери зала открылись.

Не хлопнули. Не распахнулись театрально. Просто открылись, и от этого стало страшнее.

Профессор Квентин Блэк вошёл в зал без мантии. В чёрной рубашке, застёгнутой до горла, с закатанными рукавами. На правой руке кровь. Своя или чужая, я не знала. Волосы чуть растрёпаны, как будто он пришёл не с кафедры, а из глубины, где люди не пользуются зеркалами, потому что знают о себе слишком много.

Все поднялись.

Велор не поднялась. Она выпрямилась.

— Профессор Блэк. Это закрытая учебная практика.

— Я вижу.

Его голос был спокойным.

От этого у меня по спине прошёл холод.

Он посмотрел на круг. Потом на браслеты. Потом на меня. Не на открытую кожу, не на дрожащие руки, не на то, как ткань прилипла к груди. В глаза.

И почему-то именно это оказалось почти невыносимо.

— Освободите её, — сказал он.

— У меня разрешение кафедры.

— У вас есть разрешение на проверку профиля. Не на принудительное возбуждение жизненного порога.

В зале стало так тихо, что я услышала, как у кого-то упало перо.

Велор улыбнулась тоньше.

— Формулировка спорная.

— Тогда спорить будете с Советом. После того как я внесу в протокол, что вы активировали пороговый контур без прямого согласия носителя редкого профиля.

— Вы защищаете студентку?

— Нет, — сказал он.

Сердце почему-то упало.

Квентин подошёл к краю круга. Камень, кажется, потускнел от одного его приближения.

— Я забираю свой материал.

Вот теперь зал взорвался шёпотом.

Свой.

Материал.

Я должна была разозлиться. И разозлилась. Честно. Но

одновременно тело отреагировало совсем не так, как положено человеку с самоуважением. Жар, который только что казался чужим, вдруг стал моим. Слишком резким. Слишком низким. Пульс ударил между бёдер, и я возненавидела профессора Блэка за то, что он стоял так спокойно, будто не чувствовал, что сказал.

Велор побледнела.

— Ваш материал?

— Да.

— С каких пор?

Квентин посмотрел на меня.

В его глазах было что-то не чёрное.

Серебро.

На секунду.

— С тех пор, как она гасит то, что мне нужно услышать.

Этого не понял никто.

Я тоже.

Браслеты раскрылись сами и упали к моим ногам. Круг погас. Жар исчез так резко, что меня качнуло. Я сделала шаг, второй, и поняла, что сейчас очень глупо рухну лицом вниз перед всей аудиторией.

Квентин оказался рядом.

Не обнял. Не прижал. Просто поставил руку так, чтобы я могла ухватиться, если решу. Выбор был унижительно мал, но всё же выбор.

Я ухватилась.

Его запястье было горячим. Сухим. Под пальцами билась жила.

— Идёмте, мисс Вейн, — сказал он.

— Вы назвали меня материалом.

— Да.

— Вы понимаете, что я за это вас ненавижу?

— Уже лучше, чем если бы вы были благодарны.

— Почему, Блэк? — спросила Велор за нашими спинами.

— Почему она?

Квентин остановился.

Зал задержал дыхание.

Он не повернулся полностью. Только слегка, через плечо.

— Потому что она моя.

Вот это было уже слишком.

Слишком громко, хотя сказано тихо.

Слишком интимно, хотя произнесено при всех.

Слишком похоже на защиту, собственничество и приговор одновременно.

— Я не ваша, — сказала я.

Квентин посмотрел на меня.

— Знаю.

Станный ответ.

Потом он вывел меня из зала, и за дверью я наконец смогла вдохнуть.

В коридоре было холодно. Настоящий авернский холод, который пах камнем, свечным воском и чем-то старше чело-

веческой кожи. Я отдёрнула руку, как только поняла, что всё ещё держусь за него.

— Больше никогда так не говорите.

— Что именно?

— Что я ваша.

Он молчал секунду.

— Хорошо.

— И материалом не называйте.

— Это будет сложнее.

— Профессор.

— Вы редкий случай, мисс Вейн. Научный язык будет пытаться вас украсть.

— А вы?

Он посмотрел на мои запястья. На красные следы от се-ребра.

Лицо стало жёстче.

— Я уже пытался.

Мне стало не по себе.

Не от страха.

От того, что это было похоже на правду.

Он открыл дверь в боковой кабинет. Маленькая комната без окон, с узким столом, старым диваном, шкафом для ритуальных тканей и раковиной. На столе стояла кружка с отколотой ручкой. Профессор Блэк, кажется, её не замечал.

— Сядьте.

— Я могу стоять.

— Можете. Но через минуту упадёте.

— Вы всегда такой приятный?

— Нет. Иногда я хуже.

Я села.

Колени дрожали. Запястья болели. А хуже всего было то, что тело всё ещё не успокоилось. Ритуал ушёл, но оставил после себя влажный жар, странную чувствительность кожи, злость, которая путалась с возбуждением. Я сидела на краю дивана, сжимая пальцы, и думала, что если сейчас он заметит, я умру. Не от стыда. От необходимости продолжать смотреть ему в лицо.

Он заметил.

Конечно.

Квентин закрыл дверь на внутренний замок.

— То, что произошло в круге, не было вашей реакцией на меня.

— Я не спрашивала.

— Но подумали.

Я ненавидела его.

Немного.

Очень.

— Ритуал поднял жизненный порог без выхода, — сказал он. — Тело продолжает искать завершение. Это пройдёт.

— Когда?

— Если не вмешиваться, через несколько часов. Неприятных.

Я резко подняла голову.

Он стоял у стола, на расстоянии. Не подходил. Смотрел не на мою грудь, не на бёдра. На лицо. Это было одновременно легче и хуже.

— А если вмешаться?

Вопрос вылетел сам.

Глупый.

Опасный.

Его глаза потемнели.

— Тогда быстро.

Внутри всё сжалось.

— Вы предлагаете...

— Я ничего не предлагаю. Я объясняю последствия.

— Очень академично.

— Стараюсь.

— А если я попрошу?

Он долго молчал.

В коридоре прошли люди. Кто-то смеялся. Обычный смех, дурацкий, неуместный. Мир, как всегда, был невоспитанным.

— Тогда я спрошу, понимаете ли вы, о чём просите, — сказал он.

— Я взрослая.

— Это не ответ.

— Мне двадцать два.

— Это тоже.

— И я не хочу несколько часов сидеть в комнате, чувствуя себя так, будто моё тело не спросили и не закончили.

Фраза вышла грязнее и честнее, чем я собиралась.

Квентин закрыл глаза.

На секунду.

Когда открыл, в них опять мелькнуло серебро.

— Скажите «нет», и я остановлюсь, — произнёс он.

Голос стал ниже.

Теплее.

Не совсем его.

Я должна была заметить. Потом я скажу себе, что заметила. На самом деле в тот момент я заметила только его руки: длинные пальцы, кровь у основания большого, тонкую белую полосу старого шрама. И то, как он ждал.

Ждал моего слова.

— Да, — сказала я.

Он подошёл.

Не торопясь. Но мир почему-то сузился до каждого его шага.

Первым он коснулся не губ и не груди. Запястья. Обхватил пальцами красную отметину от браслета и поднял мою руку к свету.

— Больно?

— Да.

Он поцеловал кожу рядом со следом.

Очень легко.

Я вздрогнула так, будто он сделал что-то гораздо большее.
— Здесь?

Ещё один поцелуй. Ниже.

— Квентин.

Имя вышло само.

Он поднял глаза.

— Повторите.

— Что?

— Имя.

Я сглотнула.

— Квентин.

Его лицо изменилось. На миг стало почти голодным. Потом он опустился передо мной на колени и положил ладонь мне на лодыжку.

— Последний раз спрашиваю. Вы хотите, чтобы я помог?

Смешной вопрос, когда его пальцы уже скользнули выше, под край платья. Но именно он и удержал меня в себе. В моём решении. В моём теле.

— Да.

Он развёл мои колени медленно, оставляя мне время сомкнуть их обратно.

Я не сомкнула.

Платье поднялось до бёдер. Воздух коснулся кожи. Я вцепилась в край дивана, потому что смотреть на него было невозможно, а не смотреть ещё хуже. Квентин наклонился и поцеловал внутреннюю сторону колена. Потом выше. Его

рот был горячим, почти осторожным, и от этой осторожности меня бросало сильнее, чем от грубости круга. Там меня хотели взять как энергию. Здесь он ждал каждого вдоха.

— Дышите, — сказал он.

— Не командуйте.

— Тогда дышите из упрямства.

Я бы рассмеялась, если бы он в этот момент не коснулся губами места, где бедро становилось слишком чувствительным для шуток.

Смех сорвался в стон.

Квентин замер.

— Нет?

— Если вы сейчас остановитесь, я убью вас.

— Принято.

Дальше мир стал рваным. Его рот. Его пальцы. Мои руки в его волосах. Мой голос, который я перестала узнавать. Камень за спиной. Запах крови, полыни и старой пыли. Он касался меня так, будто возвращал телу право быть моим, и от этого удовольствие оказалось почти страшным: не сладким, а глубоким, низким, требовательным.

— Квентин, — сказала я, потому что другого слова не осталось.

Он ответил движением. Осторожным, точным, без единого лишнего жеста.

Я выгнулась, ударилась затылком о стену и вскрикнула.

Не от боли.

Он поднял голову. Рот блестел. Волосы упали на лоб. Чёрные глаза. Нет. Серебристые. На миг.

— Так? — спросил он.

Я поняла, что сейчас заплачу. Не от нежности. От перегруза. От того, что удовольствие оказалось не красивым, а почти страшным, как падение в собственное тело.

— Да.

Когда меня накрыло, я не увидела звёзд.

Я увидела тёмную воду.

И в ней чьё-то лицо, не его.

Серебристые глаза.

— Л...

Слог сорвался с моего языка и исчез в стене.

Квентин резко остановился.

Слишком поздно.

Волна уже прошла через меня, вырвала воздух, силу, злость. Я дрожала, прижимая ладонь к его плечу. Он поднялся не сразу. Сначала поправил на мне бельё, опустил платье, как будто возвращал мне не ткань, а право быть закрытой.

Потом встал.

Отошёл.

Очень быстро.

— Простите, — сказал он.

Вот теперь я почти рассмеялась.

— За что именно? Список растёт.

Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то страшное.

— Вам нужно в лазарет.

— Нет.

— Да.

— Если вы сейчас превратите это в медицинскую процедуру, я вас правда ударю.

— Возможно, заслуженно.

Я вытерла щёки. Они были мокрыми. Отлично. Просто великолепно. Первый раз профессор Блэк ставит меня на грань непристойности в служебном кабинете, а я после этого плачу. Очень взросло.

— Это было моё решение, — сказала я.

Он молчал.

— Моё. Слышите?

— Слышу.

— Тогда не забирайте его у меня своим раскаянием.

На его лице что-то треснуло.

Не сильно.

Достаточно.

— Хорошо.

— И больше никогда не говорите при людях, что я ваша.

Пауза.

— Хорошо.

— А если скажете...

— Что?

Я встала. Ноги всё ещё были ватными, но злость помогла держаться.

— Тогда я скажу, что вы мой.

Он посмотрел на меня.

И впервые за всё время улыбнулся.

Не красиво.

Опасно.

— Это будет ложью, мисс Вейн.

— Разумеется.

— Но убедительной.

Я вышла из кабинета первой.

По коридору шли двое старшекурсников. Увидели меня, увидели его за моей спиной, мокрые волосы у висков, моё красное лицо, его расстёгнутый воротник. Один сразу отвёл глаза. Второй не успел.

Квентин сказал:

— Если кто-нибудь произнесёт её имя в связи с сегодняшней практикой, я сделаю так, что ваши дипломы будут защищать ваши вдовы.

— Профессор, — возмутилась я.

Он даже не посмотрел на меня.

— Это я мягко.

И вот так всё закончилось.

Точнее, началось.

Потому что на следующее утро вся Академия Аверн уже считала меня девушкой профессора Блэка.

А он даже не был уверен, что сам поцеловал меня первым.

ГЛАВА 1

Семь уровней вниз

В моей жизни должно было случиться что-то плохое.

Я поняла это не по предсказанию, не по вещему сну и не по тому, что в поезде погасли лампы, когда мы вошли в скалу. Хотя последнее, конечно, помогло.

Просто есть особый момент, когда человек смотрит в чёрное окно вагона и видит там своё лицо, а за лицом ничего. Ни неба, ни деревьев, ни дороги назад. Только темнота, которая едет рядом с тобой и делает вид, что она пейзаж.

Поезд в Академию Аверн спускался под землю за тридцать километров до прибытия.

Об этом писали в приглашении. Очень торжественно: «Традиционный подземный путь через северную жилу некрополя». Звучало почти красиво. На деле вагон трянуло, за окнами исчез серый день, кто-то из первокурсников охнул, а я вцепилась в ручку чемодана так крепко, будто он мог спасти меня от трёх тысяч лет мёртвого камня над головой.

— Первый раз? — спросил парень напротив.

Он был светловолосый, красивый и явно знал, что красивый. Такие люди обычно занимают чуть больше места, чем

им нужно. Не телом. Уверенностью.

— В некрополь? Да.

— Видно.

— Спасибо за диагностику.

Он улыбнулся.

— Лукас Сейн.

Фамилия прозвучала так, будто рядом с ней должен был появиться герб. Или счёт.

— Эйра Вейн.

— Вейн... Провинция?

— Это тоже видно?

— Нет. Просто я не знаю эту фамилию.

— А должны?

Его улыбка стала шире.

— В Аверне многие считают, что да.

Рядом с ним девушка в дорожном платье фыркнула. Старая фамилия, дорогая ткань, тонкие пальцы, которыми она листала книгу вверх ногами и делала вид, что читает. Я заметила это не сразу. Иногда человек так старается выглядеть равнодушным, что начинает кричать этим на весь вагон.

В поезде было много таких.

Старые семьи узнавали друг друга с полувзгляда. Кивали, называли имена, спрашивали про матерей, дядь, кафедральные места, прошлогодний бал у кого-то там, где я никогда не была и, надеюсь, не окажусь случайно с тарелкой в руках. Я сидела среди них с чемоданом, в котором половину места

занимали книги, а вторую половину — три смены одежды, гребень, фотография матери и слишком много надежды для человека с моей удачей.

— Ты стипендиатка? — спросила девушка с книгой.

— Да.

— Смело.

Слово было вежливым. Тон — нет.

— Бедно, — сказала я.

Лукас рассмеялся.

Девушка захлопнула книгу и наконец посмотрела на меня по-настоящему. На мгновение мне показалось, что я совершила первую ошибку. Потом решила, что нет. Ошибка была бы сделать вид, будто я не поняла.

Поезд снова тряхнуло.

За окнами вдруг вспыхнули огни.

Не лампы. Факелы. Они горели без пламени, синим ровным светом, цепочками уходя вдоль тоннеля. Каменные своды появились из темноты. На них были вырезаны лица. Сотни лиц. Старики, дети, женщины с закрытыми глазами, мужчины с открытыми ртами, будто пытались что-то сказать поезду, который проходил сквозь их вековую тишину.

— Нижняя жила, — сказал Лукас. — Старейший подъезд к академии.

— Очень гостеприимно. Сразу лица мёртвых на стенах.

— Это не мёртвые.

— Правда?

— Это память о мёртвых.

— Простите, разница, конечно, огромная. Особенно когда они смотрят.

Он снова улыбнулся. Не насмешливо. Кажется, ему правда было весело.

Девушка с книгой отвернулась.

Меня укачивало. Или это был страх. Или воздух в тоннеле стал тяжелее. Я попыталась думать о практическом: приеду, найду куратора, получу комнату, распакую вещи, напишу матери письмо. Мама просила писать каждый день первую неделю. «Чтобы я знала, что тебя не съели эти твои мертвецы», — сказала она на вокзале и засмеялась. Неудачно. Общим стало хуже.

На последней станции поезд остановился не сразу. Сначала замедлился, будто нехотя входил в горло огромного зверя. Потом за окнами открылся зал.

Я забыла, что хотела дышать.

Аверн был не подземным городом.

Он был невозможностью, которую кто-то построил и заставил работать по расписанию.

Перрон располагался под сводом высотой с собор. Камень уходил вверх так далеко, что синий свет факелов терялся на полпути. Над нами висел искусственный купол из стекла и металла, за которым не было настоящего неба, но разливалось бледное сияние. Башни академии поднимались прямо из глубины некрополя: готические шпили, мосты между кор-

пусами, окна, похожие на узкие глаза. Ни солнца. Ни облаков. Только созданный свет и древняя тьма вокруг.

— Мы создали себе небо под землёй, — произнёс куратор у входа, когда нас вывели из вагонов.

Он сказал это с гордостью.

Я подумала, что это и есть определение некромантии.

Толпа студентов двинулась вперёд. Кто-то смеялся, кто-то снимал купол на маленькие кристаллические камеры, кто-то уже жаловался на холод. Мой чемодан стучался о ступени. Ручка натирала ладонь. В воздухе пахло мокрым камнем, свечным воском, железом и чем-то старым, что не хотело иметь названия.

— Впечатляет? — спросил Лукас, оказавшись рядом.

— Пугает.

— Это тоже форма впечатления.

— У вас здесь все так говорят?

— Как?

— Будто их воспитывали учебниками.

Он рассмеялся.

Слишком приятный смех. Опасно приятный. Я сразу решила, что с Лукасом Сейном нужно быть осторожной. Красивые люди с хорошими манерами часто считают, что весь мир — комната, где им заранее оставили лучшее кресло.

— Эйра Вейн, — произнёс куратор, сверяясь со списком. — Стипендиальная группа. Комната восточного крыла, третий уровень. Магический профиль требует дополнительной

проверки.

— Уже? — сказала я.

— Простите?

— Ничего. Это я радуюсь.

Он не понял.

Куратор был сухим мужчиной с лицом человека, который в детстве мечтал стать расписанием. Он раздал нам металлические браслеты-допуски, объяснил, куда идти, что нельзя трогать, где не стоит задерживаться, почему нельзя спускаться ниже Уровня -1 без сопровождения и почему фраза «я просто посмотрю» в Аверне считается предсмертной глупостью.

Мне понравилось последнее.

Наконец нас повели к жилому корпусу.

По дороге я впервые увидела ритуальный зал.

Не должна была. Двери были закрыты, но одна створка неплотно прилегала, и между камнем и металлом оставалась узкая щель. Я проходила мимо, толкая чемодан, когда оттуда ударил жар. Не температурой. Ощущением. Как если бы за дверью кто-то слишком сильно хотел жить.

Я остановилась.

Внутри горел круг.

В центре стояла женщина в алой ритуальной накидке, открытой почти до талии. Вокруг неё двигались золотые линии, повторяя изгибы тела: горло, ключицы, грудь, живот, бёдра. Она не выглядела испуганной. Наоборот, голова за-

прокинута, глаза закрыты, губы приоткрыты от дыхания, которое я слышала даже через щель.

Перед ней стоял мужчина.

Высокий, темноволосый, в чёрной рубашке. Не касался её. Только держал ладонь в нескольких сантиметрах от её груди, и линии тянулись к нему, как нитки к игле.

Женщина тихо застонала.

Я резко отступила.

Чемодан с грохотом ударился о стену.

Мужчина в зале повернул голову.

Он не мог увидеть меня через щель.

И всё же увидел.

Глаза у него были чёрные. Почти без белка при таком свете. Лицо — не красивое в обычном смысле. Слишком собранное. Слишком холодное. Как будто его вырезали из камня, а потом забыли научить просить прощения.

Он смотрел прямо на меня.

Я не могла сдвинуться.

Внутри всё стало странно тихо.

Не спокойно. Именно тихо. Будто кто-то положил ладонь на колокол до удара.

— Мисс Вейн? — позвал куратор.

Я вздрогнула.

Дверь ритуального зала закрылась сама.

— Вы отстали.

— Да.

— Вам плохо?

— Нет.

— Уверены?

— Пока нет причин сомневаться.

Куратор посмотрел на меня так, будто хотел внести в список ещё одну пометку. Я схватила чемодан и пошла быстрее.

У жилого корпуса нас встретил писец-призрак.

Точнее, сначала я решила, что это просто очень старый служитель. Он сидел за высоким столом, опуская перо в чернильницу и выводя имена в огромной книге. Потом заметила, что его рука проходит сквозь край страницы, если он отвлекается. И что стул под ним не прогибается.

— Следующий, — сказал он.

Студенты подходили по одному. Называли имя. Писец отмечал комнату, выдавал ключ, иногда ворчал.

— Эйра Вейн, — сказала я, когда дошла очередь.

Перо остановилось.

Не на бумаге.

В воздухе.

Призрак поднял голову.

У него не было настоящих глаз. Только серые углубления, в которых шевелился слабый свет. Он смотрел на меня долго. Слишком долго.

— Повторите, — сказал он.

— Эйра Вейн.

Перо выпало из его пальцев.

Куратор нахмурился.

— Холл?

Писец-призрак не ответил.

Свет в его глазницах погас.

Совсем.

Студенты за моей спиной зашептались.

Я стояла перед столом с поднятой рукой, потому что собиралась взять ключ, и чувствовала себя человеком, который случайно сломал чужую бабушку.

— Я ничего не сделала, — сказала я.

— Очевидно, — ответил куратор.

Но голос у него был другой.

Он достал из ящика запасной ключ, быстро записал что-то сам и протянул мне.

— Адаптационная реакция некоторых аномальных профилей.

— Он умер?

— Он уже был мёртв.

— Это не ответ.

— В Аверне многие ответы вас разочаруют.

Ключ был холодный. На бирке выведено: Восточное крыло, 3—17.

Я взяла его и пошла к лестнице, чувствуя на себе взгляды. Лукас хотел что-то сказать, но не успел. Девушка с книгой шепнула подруге: «Вот поэтому стипендиатов нельзя пускать без полного теста». Мне хотелось обернуться и спросить

сить, полный тест включает проверку на способность убивать канцелярских призраков взглядом или это считается дополнительным талантом.

Я не обернулась.

У лестницы меня остановили.

Не куратор. Не Лукас. Не кто-то из шепчущих старых фамилий.

Мужчина с серебряной тростью стоял у витражной стены так спокойно, будто ждал меня не минуту, а несколько лет. Высокий, сухой, в чёрной мантии без лишних украшений. Только тонкая цепь ректорского ключа и светлые глаза, слишком внимательные для человека, который якобы просто проходил мимо.

Куратор рядом с ним сразу стал меньше.

— Декан Корвин, — сказал он.

Мне хватило ума не пошутить.

— Мисс Вейн, — произнёс декан.

Он не спросил, как меня зовут. Уже знал.

— Простите за Холла, — сказала я. — Я правда ничего не делала.

— Именно это и интересно.

Голос у него был мягкий. Не добрый. Мягкость иногда бывает способом надеть перчатки перед тем, как взять скальпель.

— Стипендиальный набор редко приносит нам такие случаи, — продолжил он. — Нейтральный фон, который гасит

остаточную фиксацию. Вы понимаете, насколько это ценно?

— Я предпочла бы сначала понять, насколько это опасно.

Куратор кашлянул.

Корвин едва заметно улыбнулся.

— Разумный вопрос. В Аверне разумные вопросы часто задают те, кто ещё не успел узнать, как мало ответов ему принадлежит.

Мне не понравилось это «ему». Будто я уже была не человеком, а местом, где академия собирается что-то найти.

— Я студентка, — сказала я.

— Разумеется.

Он произнёс это так, что слово стало временной уступкой.

— Но некоторые студенты с первого дня оказываются не только учениками. Иногда они редкие инструменты, иногда ошибки старых классификаций, иногда двери, которые открываются не туда.

Двери.

Слово неприятно село под кожу.

— Я не дверь.

— Пока нет, — сказал Корвин.

Март появилась у поворота коридора так внезапно, будто стояла там всё время и только сейчас решила стать видимой.

— Эрастус, первокурсников обычно пугают расписанием, а не метафизикой.

— Ида.

— Мисс Вейн нужна комната, горячая еда и хотя бы одна

ночь без попыток дать ей название.

Корвин посмотрел на неё.

Между ними прошла старая, очень старая неприязнь. Не громкая. Сухая, как трещина в кости.

— Название, профессор Март, защищает от неправильного использования.

— Иногда название и есть первое неправильное использование.

Я запомнила это.

Не потому, что поняла. Потому что оба взрослых сказали фразы так, будто речь шла не обо мне, а о войне, которую они отложили до удобного случая.

Корвин снова посмотрел на меня.

— Отдыхайте, мисс Вейн. Академия умеет заботиться о тех, кто ей нужен.

Вот теперь я испугалась.

Не сильно. Достаточно.

— Надеюсь, и о тех, кто ей не нужен, тоже, — сказала я.

Март тихо хмыкнула.

Декан не ответил. Только постучал тростью по камню один раз и ушёл.

Куратор выдохнул, когда тот скрылся за поворотом.

— Комната, — сказала Март. — Сейчас. И не позволяйте никому называть вас катализатором до завтрака.

— После завтрака можно?

— После завтрака вы хотя бы сможете метко бросить чаш-

ку.

Я не обернулась.

Комната оказалась маленькой, с узкой кроватью, письменным столом, шкафом и окном в искусственный двор. За стеклом белое дерево стояло под куполом, как кость под кожей. На соседней кровати уже лежал чемодан, обтянутый яркой тканью с синими птицами.

— Ты призрака сломала? — спросил голос от двери.

Я повернулась.

На пороге стояла девушка с тёмной кожей, короткими кудрями и красной нитью вокруг запястья. В руках у неё была кружка, от которой пахло пряностями.

— Случайно.

— Жаль. Я надеялась, специально.

— Почему?

— Он дал мне ключ и сказал: «Южные имена всегда неудобны для каталога». Я не успела решить, оскорбиться или попросить его умереть ещё раз.

Я рассмеялась.

Неожиданно. Слишком громко.

Девушка улыбнулась.

— Тавита Фале. Твоя соседка, если ты не против людей, которые разговаривают во сне с покойной бабушкой.

— Эйра Вейн. Я, кажется, ломаю мёртвых служащих.

— Отлично. Будет весело.

Она вошла и поставила кружку на стол.

— Чай будешь?

— Что за чай?

— Плохой. Но горячий.

— Тогда буду.

Мы сидели на полу между чемоданами, пили плохой чай из одной кружки по очереди и делали вид, что это не странно. Тавита рассказывала, что на её острове мёртвые родственники участвуют в семейных ссорах активнее живых. Я рассказывала, что у нас в провинции некромантию называют преступлением против природы, а потом очень удивляются, когда дети с даром уезжают учиться туда, где за это дают стипендию.

— Ты приехала учиться тому, за что дома тебя бы прокляли? — спросила Тавита.

— Единственная стипендия, которую мне дали.

Пауза.

Она засмеялась.

— Нравишься.

— Быстро.

— Мёртвые учат не тратить время. Живые и так его тратят за всех.

Я почти сказала, что мёртвые ещё умеют оставлять живым слишком много работы.

Но не сказала.

В чемодане, под стопкой белья, лежало письмо матери. Я знала его наизусть, хотя прочитала только дважды.

«Эйра, я так рада, что у тебя получилось. Ты всегда была у меня тихой девочкой. С тобой рядом мне становилось спокойнее даже после смерти отца. Не теряй это. Людям рядом с тобой легче, и это редкий дар».

Мама писала это с любовью.

Я знала.

И всё равно письмо лежало в чемодане как маленький камень.

После отца в нашем доме все звуки стали слишком громкими. Чайник. Дверь. Соседская собака. Мамин плач за стеной. Мне было двенадцать, и я быстро поняла: если говорить тише, ходить мягче, не просить лишнего, не приносить плохих оценок, не злиться, не плакать при ней, маме становится легче. Она гладила меня по волосам и шептала: «С тобой спокойно, Эйра».

Тогда я считала это похвалой.

Потом привыкла.

Потом начала путать любовь с тем, что рядом со мной кому-то наконец не больно.

Я достала из бокового кармана чемодана старую медную заклепку. Мамина. Когда-то она носила её каждый день, пока отец был жив. После похорон сняла и больше не надевала. Перед моим отъездом сунула мне в ладонь.

— Возьми. Мне спокойнее, когда что-то моё с тобой.

Я не спросила, спокойнее ей или мне.

Теперь заклепка лежала на столе рядом с плохим чаем и

выглядела совершенно чужой в академии, где даже мебель знала больше мёртвых, чем я.

— Ты чего? — спросила Тавита.

— Ничего.

— Это плохой ответ. Но первый день, прощаю.

Я спрятала заколку в ящик.

Тогда я ещё не знала, как опасно для меня слово «спокойнее».

Вечером нам выдали список чтения.

Он лежал на столе, когда я вернулась после ужина. Верхние позиции были ожидаемы: «Основы пороговой теории», «Этика призыва», «Исторические школы некромантической мысли». Ниже шли статьи.

Пять статей Квентина Блэка.

Я провела пальцем по датам публикаций.

Последняя — три года назад.

Предпоследняя — двенадцать.

Потом тридцать один.

Потом шестьдесят четыре.

Первая — восемьдесят два года назад.

Я пересчитала. Потом ещё раз. Может быть, это был другой Блэк. Отец, дед, основатель кафедры. Но инициалы совпадали. Область совпадала. Названия работ ссылались друг на друга одним авторским голосом.

За стеной Тавита что-то напевала себе под нос. В коридоре хлопнула дверь.

Я сидела над списком и думала о том, что человек не может публиковаться восемьдесят лет.

Потом вспомнила мужчину в ритуальном зале.

Его чёрные глаза.

Женский стон за дверью.

И то, как внутри меня стало тихо, когда он посмотрел.

Кажется, в моей жизни действительно должно было случиться что-то плохое.

Очень плохое.

И, что совсем глупо, мне уже хотелось узнать, какое.

ГЛАВА 2

Чужая тишина

Квентин вернулся на Уровень -4 с чужой жизненной энергией под кожей и раздражением в горле.

Ритуал был чистым.

Формально.

Генератор знала условия, подписала договор, выдержала порог, получила компенсацию и ушла довольной настолько, насколько человек может быть довольным после того, как его тело использовали как хорошо настроенный инструмент и не соврали об этом. Квентин не касался её без необходимости. Не обещал ничего. Не смотрел дольше, чем требовала работа.

Леон всё равно смеялся.

Не вслух.

Внутри.

Смех Леона был хуже боли. Боль хотя бы не имела мнения.

«Ты видел девочку».

— Студентку, — сказал Квентин.

Лаборатория встретила его теплом камина, запахом пыли и бумагами, которые он оставил на столе в неправильном

порядке. Неправильный порядок был едва заметен, но он заметил. Конечно. Вековая привычка к контролю редко оставляет человеку возможность не видеть мелочей.

«Студентку с глазами человека, который подглядел и не убежал».

— Она убежала.

«Но сначала смотрела».

Квентин снял перчатки. На правой ладони остался слабый след ритуального ожога. Генератор была сильнее, чем показывали её документы. Или он сегодня хуже держал контур.

Нет.

Не хуже.

Отвлёкся.

На щель в двери. На грохот чемодана. На девушку с рыжими волосами цвета старой ржавчины и лицом человека, который испугался, рассердился и всё равно хотел понять, что увидел.

Эйра Вейн.

Он запомнил имя ещё до того, как куратор произнёс его у распределения. Не потому, что хотел. Потому что в тот момент, когда она появилась у двери ритуального зала, Леон впервые за три дня замолчал.

Не притих.

Не отступил.

Замолчал.

Тишина была такой резкой, что Квентин почти потерял

контур. Генератор вскрикнула, линии дёрнулись, и ему пришлось удерживать форму одной силой воли. Он справился. Разумеется, справился. Но на долю секунды в голове стало пусто.

Свободно.

Он возненавидел это ощущение сразу.

Потом захотел снова.

Это было хуже ненависти.

Квентин подошёл к столу и открыл личный журнал. Написал дату. Время. Имя генератора. Показатели. Количество энергии, перенаправленной в нижний поддерживающий цикл. Снижение шума Леона при появлении носителя неизвестного профиля.

Перо остановилось.

Он перечитал последнюю строку.

Зачеркнул.

Написал иначе:

«Аномальное гашение фона при внешнем раздражителе».

Леон снова засмеялся.

«Трус».

Квентин отложил перо.

— Да.

Это всегда бесило Леона сильнее всего: когда Квентин не спорил.

Внутри стало теснее. Снова вернулся фоновый шум: не слова, не мысли, а присутствие. Второй взгляд за глазами.

Второе дыхание рядом с первым. Сто лет этого должно было хватить, чтобы привыкнуть. Иногда хватало. Сегодня нет.

Сегодня он помнил тишину.

И девушку.

Её шея в узком вороте дорожного платья. Пальцы, сжавшие ручку чемодана. То, как она посмотрела в зал и не сразу опустила глаза. Хорошо воспитанные студентки старых семей умели не видеть того, на что им рано смотреть. Новые иногда видели слишком много.

Эйра Вейн увидела не секс.

Нет.

Увидела власть.

И это было опаснее.

Квентин подошёл к камину. Взял с полки деревянную коробку с вырезанным цветком, открыл, не думая. Внутри сухая лаванда и серебряное кольцо. Он держал коробку открытой несколько секунд, пока Леон не произнёс:

«Не сегодня».

— Сегодня тоже, — ответил Квентин.

«Ты нашёл себе новую дверь?»

— Не говори о ней.

«Уже о ней? Как быстро».

Коробка закрылась слишком резко.

Квентин устал.

Это было обычным состоянием, как цвет глаз или возраст. Но иногда усталость становилась телесной: тяжесть в руках,

сухость во рту, желание лечь на пол прямо у камина и не быть человеком несколько часов.

Он не лёг.

Работа была проще.

Он достал списки новых студентов. Эйра Вейн. Двадцать два года. Провинция Крамм. Первая в роду с некромантическим даром. Стипендия. Предварительная диагностика: нестабильный нейтральный фон, низкая пригодность к ритуальному обмену, подозрение на дефицит генеративного канала.

Ошиблись.

Конечно.

Он провёл пальцем по строке.

Внутри опять стало тихо.

На мгновение.

Квентин закрыл глаза.

И увидел совсем не список.

Узкую комнату без окон. Её запястья в следах серебра. Платье, поднятое до бёдер. Собственные руки на её коленях. Её голос, злой и срывающийся, когда она говорит: «Не командуйте». Его рот на горячей коже. То, как чужой ритуальный жар становится её собственным, когда она наконец перестаёт бороться с телом и начинает требовать. Не словами. Бёдрами. Пальцами в его волосах. Дыханием, которое ломается на его имени.

Он открыл глаза.

Леон молчал.

Вот теперь стало страшно.

Не желание. Желание было знакомым, грубым, поддающимся дисциплине. Страшной была тишина после него. Чистая, как разрез.

— Нет, — сказал Квентин.

Комната не ответила.

Леон тоже.

— Нет, — повторил он, уже тише.

Потом сел за стол и начал писать запрос на дополнительную диагностику Эйры Вейн.

Очень аккуратным почерком.

Как человек, который оформляет катастрофу заранее.

Запрос не успел высохнуть, когда на краю стола проявилась деканская метка.

Серебряная точка. Линия наружу. Старый знак выхода, присвоенный администрацией так давно, что никто уже не помнил, кому он принадлежал до неё.

Квентин не коснулся бумаги.

Метка раскрылась сама.

«Профессор Блэк.

Носитель Вейн подлежит наблюдению без преждевременного раскрытия профиля. Не допускать свободного обсуждения аномалии среди младших преподавателей. В случае подтверждения гашения остаточной фиксации передать данные непосредственно мне.

Э. Корвин».

Квентин прочитал записку дважды.

Леон тихо сказал:

«Он уже положил руку на дверь».

— Она не дверь, — ответил Квентин.

Пауза.

«Ты сказал это слишком быстро».

Квентин сжёг записку над свечой, хотя знал, что деканские копии не исчезают от огня. Пепел лёг на блюде ровной серой пылью. На мгновение ему показалось, что в пепле проступает имя Эйры.

Он моргнул.

Ничего.

Только пепел.

Очень аккуратным почерком Квентин дописал в запросе: «Диагностику провести лично. Без передачи в общий архив до подтверждения».

Потом зачеркнул последнее предложение.

Написал снова.

Зачеркнул.

В итоге оставил пустое место.

Иногда пустота в документе была единственным способом соврать не до конца.

* * *

Ориентация называлась «Введение в практическую некромантию».

Тавита прочитала название на расписании и сказала:

— У вас тут умеют делать смерть скучной ещё до начала пары.

— Это талант старых академий, — ответила я.

— Ты уже эксперт?

— Я здесь почти сутки. Конечно.

Мы пришли в аудиторию рано, потому что Тавита хотела занять места у прохода. «Если начнут вызывать мёртвых без предупреждения, я не собираюсь перелезть через колени чужих аристократов», — сказала она. Я решила, что это разумно.

Аудитория была круглой, с низкими рядами скамей и кафедрой внизу. На потолке висели светильники в форме косяных цветов. Над кафедрой плавал прозрачный череп птицы. Просто плавал. Никто не обращал внимания. В Аверне это, видимо, считалось интерьером.

Студенты заполняли ряды шумно. Старые знакомые смеялись, новенькие делали вид, что не потерялись, кто-то уже успел ненавидеть кого-то за место у окна, хотя окон не было. Лукас Сейн помахал мне из второго ряда. Я кивнула. Девушка с книгой села рядом с двумя такими же гладкими подругами и не посмотрела в мою сторону. Очень демонстративно не посмотрела.

— Это кто? — спросила Тавита.

— Не знаю.

— Уже не любит тебя?

— Кажется.

— Быстро. Уважаю темп.

Профессор Ида Март вошла без опоздания и без желания нравиться.

Небольшая женщина лет пятидесяти, сухая, с тёмными волосами, собранными в пучок, и движениями хирурга. Она положила на кафедру тонкую папку, оглядела нас так, будто уже знала, кто умрёт от глупости первым, и сказала:

— Добро пожаловать в Аверн. Если вам повезёт, вы закончите обучение. Если не повезёт, станете учебным примером. Иногда это тоже вид академического бессмертия.

Аудитория затихла.

Я почувствовала, что начинаю её любить.

Немного.

— Ваша первая ошибка, — продолжила Март, — думать, что некромантия занимается смертью. Нет. Смерть уже справилась без нас. Некромантия занимается границей. Порогом. Тем мгновением, когда тело ещё помнит жизнь, а имя уже начинает отделяться от плоти.

На доске за ней появилась схема: тело, имя, энергия, память, удержание.

— Третье слово в этой схеме важнее, чем вам кажется. И второе тоже.

Она взяла со стола маленький серый камень и положила его в центр кафедры.

— Это учебный стабилизатор. Если я назову его якорем,

он будет удерживать поток.

Камень вспыхнул тусклым алым светом. На доске линия энергии остановилась, словно наткнулась на крюк.

— Если назову замком, он будет закрывать.

Свет стал холоднее. Линия свернулась в кольцо.

— Если назову грузом, он начнёт тянуть вниз.

Камень потемнел, и у меня заложило уши. Совсем немного, но неприятно.

Март накрыла камень ладонью.

— Запомните. Слово не создаёт магию из ничего. Мы не поэты на бюджетной ставке. Но слово задаёт функцию. Название — это русло. Поток всё равно вода, но от русла зависит, напоит он поле или смывает дом.

Я записала почти дословно.

Тавита нарисовала рядом с моими словами маленький дом, который смывает водой.

— Неправильное имя, — продолжила Март, — может превратить защиту в тюрьму, помощь в удержание, удержание в кормление. Поэтому в этой дисциплине за красивые неточные слова иногда умирают люди. Или хуже: продолжают жить неправильно.

Она убрала руку.

Камень снова стал обычным.

— Вторая ошибка — думать, что жизненная энергия является метафорой. Это не метафора. Это измеряемый поток. Его можно отдавать, принимать, удерживать, искажать.

Можно сделать это этично. Можно сделать это преступно. Академия предпочитает первый вариант, но история нашей дисциплины, как вы скоро заметите, полна второго.

Я записала эту фразу.

Тавита заглянула в мою тетрадь.

— Почерк как у человека, который собирается судиться.

— А у тебя?

Она показала страницу. Там было написано: «Март страшная. Нравится».

— Практично, — признала я.

Март перешла к ритуальному обмену.

И вот тут аудитория изменилась.

Не вся. Только треть. Старые семьи чуть расслабились. Те, кто изображал знание, стали сидеть прямее. Остальные замерли.

— Жизненный Порог, — сказала Март, — может активироваться через боль, страх, глубокую медитацию, угрозу смерти, физическое истощение и сексуальный пик. Первый способ запрещён, второй неустойчив, третий требует долгой подготовки, четвёртый незаконен в учебной практике, пятый даёт слишком грязный фон. Шестой остаётся самым эффективным, если все участники взрослые, обучены и дали прямое согласие.

Кто-то кашлянул.

Кто-то хихикнул.

Март посмотрела в ту сторону.

Хихиканье умерло молодым.

— Ритуальный секс в Аверне не является развлечением кафедры и не является поводом для подросткового восторга. Это дисциплина старших курсов. Партнёры делятся на якорей, генераторов и нейтральных участников. Якорь удерживает форму. Генератор даёт выброс. Нейтральный участник работает с малой передачей.

— А если кто-то не хочет? — спросила я.

Вопрос вылетел быстрее, чем я успела решить, что не хочу привлекать внимание.

Март посмотрела на меня.

— Не участвует.

— Просто так?

— Мисс...

— Вейн.

— Мисс Вейн, если в ритуале требуется согласие, а человек говорит «нет», это не препятствие. Это ответ.

В аудитории кто-то зашептался.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Радует, что вы одобрили базовый принцип этики, — сказала Март.

Тавита тихо прыснула.

Я покраснела.

Вот тебе и невидимость.

— Но, — добавила Март, и стало хуже, — не путайте юри-

дическое согласие с внутренней свободой. Самые тяжёлые нарушения в истории некромантии происходили не там, где человека привязывали к кругу силой. А там, где ему не сказали всей правды, и он согласился на то, чего не понял.

Аудитория снова стала тихой.

Почему-то мне вспомнилась щель в двери ритуального зала. Женщина в алом. Мужчина с чёрными глазами. Его ладонь в воздухе, не касающаяся кожи. Её стон.

Я опустила взгляд в тетрадь.

— Практические занятия старших курсов курирует профессор Блэк, — сказала Март. — Его публикации в списке чтения. Советую ознакомиться, если хотите понимать, почему половина академического мира считает его гением, а вторая половина — угрозой с правом преподавать.

Сзади кто-то присвистнул.

Лукас наклонился к соседу и что-то прошептал.

Тавита толкнула меня локтем.

— Это тот Блэк, на чьи статьи ты вчера пялилась?

— Да.

— Восемьдесят лет?

— Да.

— Милый возраст для угрозы с правом преподавать.

— Ты считаешь это милым?

— Я с острова, где моя прабабка после смерти три года командовала семейным советом из шкафа. У меня широкие понятия о миле.

После лекции Март объявила, что первичную проверку профиля проведут завтра.

— Спите, ешьте и не пытайтесь заранее выяснить, кто вы такие, — сказала она. — Академия с удовольствием сделает это за вас и, возможно, ошибётся.

На выходе из аудитории меня остановил парень лет двадцати пяти. Светлые волосы, острое лицо, тени под глазами. На нём была форма старшего курса, но сидела она так, будто он вернулся в неё после долгой болезни. Или после места, где одежда не имеет значения.

— Ты с каких пор так делаешь? — спросил он.

— Что делаю?

— Гасишь.

— Я пока только призрака-писца испортила. Если у вас есть список достижений, пришлите копию.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Лучше не шути об этом при кафедре Блэка.

Мне стало неприятно.

— Вы кто?

— Кай Мюллер.

— Эйра Вейн.

— Я знаю.

Это не понравилось.

— Почему?

— Потому что после Холла твоё имя уже обсуждали у кафедры. А если завтра ты погасишь ещё и камни, будет хуже.

— Спасибо за поддержку. Очень согрывает.

— Я не поддерживаю. Предупреждаю.

Он подошёл ближе, но не слишком. У него были руки человека, который давно не спит нормально: пальцы чуть дрожат, ногти обкушены, костяшки сухие.

— Если Блэк тебя заметит, — сказал он, — скажи нет.

— Почему?

— Потому что он умеет превращать твоё «да» в вещь, которую ты потом не узнаешь.

В памяти вспыхнул его взгляд через щель. Тишина внутри. Женщина в алом. И моя собственная, совершенно неуместная мысль: что будет, если он посмотрит так не через дверь, а вблизи.

— Вы были его студентом? — спросила я.

— Хуже.

— Ассистентом?

Кай замолчал.

Ответ был в паузе.

— И сказали нет? — спросила я.

Он усмехнулся.

— Сказал. Только слишком поздно.

Тавита появилась у двери.

— Эйра?

Кай отступил.

— Запомни, — сказал он тихо. — Он не берёт силой. В этом и проблема.

И ушёл.

Тавита проводила его взглядом.

— Весёлые у вас тут старшекурсники.

— Он сказал, чтобы я держалась подальше от профессора

Блэка.

— Разумный совет?

Я вспомнила чёрные глаза.

— Наверное.

— Ты будешь следовать?

Я хотела сказать да.

Очень хотела.

— Не знаю.

Тавита вздохнула.

— Ох, Эйра.

— Что?

— Обычно с этого начинается плохая книга.

— Мы в академии некромантии. Здесь хорошая вряд ли получится.

Мы пошли в столовую. По дороге Тавита рассказывала, что на её родине девушек, которые лезут к опасным мужчинам из любопытства, заставляют неделю чистить рыбу с тётками, чтобы вернуть им уважение к запахам реальности. Я сказала, что это жестоко. Она ответила, что эффективно.

Вечером я открыла первую статью Квентина Блэка.

«Жизненный Порог и этика удержания личностного контура».

Текст был сложный, холодный и красивый, как нож в витрине.

Я читала до полуночи.

Потом до двух.

Тавита давно спала и иногда бормотала во сне на своём языке. За окном искусственный двор был пуст, белое дерево неподвижно. На столе погасшая лампа дрожала синим краем. Я должна была закрыть статью, лечь спать, забыть про Блёка, Кая, ритуальный зал и то, как призрак-писец погас от одного моего имени.

Вместо этого я нашла его фотографию в старом академическом журнале.

Чёрно-белую.

Двадцатилетней давности.

Он выглядел почти так же.

Я увеличила изображение кристаллом.

Он стоял у кафедры, одна рука на столе, взгляд направлен чуть в сторону. Не в объектив. Казалось, он смотрит на кого-то за пределами страницы. И в этом взгляде была такая усталая власть, что у меня пересохло во рту.

— Плохая идея, — сказала я себе.

И всё равно провела пальцем по краю страницы.

В комнате стало холоднее.

На стекле окна проступила тонкая полоса инея.

Одна линия.

Потом вторая.

Слово появилось медленно, будто его писали изнутри.

ТИШЕ.

Я отдёрнула руку.

— Тавита, — прошептала я.

Она не проснулась.

Иней исчез.

Стекло снова стало обычным.

Я сидела над журналом, слушала своё дыхание и пыталась убедить себя, что мне показалось.

Потом под фотографией Квентина Блэка проступила новая строка.

Её там не было секунду назад.

«Не смотри на него, если не хочешь, чтобы он посмотрел в ответ».

Чернила дрогнули и добавили вторую строку.

«Названное начинает слушать».

Я закрыла журнал.

Очень аккуратно.

Потом легла в кровать, укрылась до подбородка и впервые с приезда в Аверн подумала, что, возможно, моя мать была права.

Эти мертвецы действительно могли меня съесть.

Только начали они почему-то с желания.

ГЛАВА 3

Теория порога

Камень лежал в центре стола, как сердце, которое передумало биться.

Он был размером с ладонь, тёмно-серый, с тонкими прожилками синего света под поверхностью. Свет двигался медленно, не по кругу, а глубже, будто внутри камня было пространство больше самого камня. Мы стояли вокруг по шесть человек, и никто не хотел тянуть руку первым.

Ассистент профессора Блэка оказался молодым. Слишком молодым для человека, которому доверили практическое занятие с первокурсниками, или слишком нервным для того, кто молодым быть перестал. Его звали Дариус Вель. Он был красив правильной, немного утомительной красотой: светлые волосы, чистая линия подбородка, мантия без складок. На пальцах чернильные пятна. Это его спасало.

— Задача проста, — сказал он в третий раз. — Прикосновение к якорному камню выявляет базовый жизненный фон. Синий спектр — нейтральный профиль. Золотой — генеративный. Алый — якорный. Иные реакции фиксируются и передаются на кафедру для дальнейшей оценки.

— Иные? — спросила Верена Лоус, та самая девушка с

книгой из поезда.

Она стояла в нашей группе и держалась так, будто камень лично обязан был показать ей алый цвет.

Дариус быстро улыбнулся.

— Редкие переходные состояния. Обычно ничего драматического.

Обычно. Любимое слово людей, которые знают, что иногда происходит что-то плохое.

Первым пошёл Лукас. Он снял перчатку, положил ладонь на камень. Синие жилки вспыхнули ярче, потом потеплели до ровного золота.

Кто-то одобрительно шумнул. Дариус записал.

— Генератор среднего уровня с устойчивым фоном. Хорошо.

Лукас убрал руку и посмотрел на меня через стол.

— Теперь ты.

— После тебя все выступления выглядят хуже.

— Зато требования ниже.

Верена пошла следующей, хотя никто её не приглашал. Камень под её рукой вспыхнул синим, потом выдал тонкую алую нить, которая задержалась на два удара сердца и погасла.

Она поджала губы.

— Смешанный профиль, — сказал Дариус. — Склонность к якорной стабилизации. Хороший результат.

Судя по её лицу, хороший результат был личным оскорб-

лением.

Норрис получил чистый синий и выглядел так, будто ему выдали справку о непримечательности. Тавита прикоснулась к камню легко, почти дружелюбно. Синий свет стал мягким, дымчатым, по краям возникли тонкие зелёные искры.

Дариус нахмурился, потом записал:

— Призывательный фон с родовой привязкой. Интересно.

— У нас дома это называют «бабушки не уходят», — сказала Тавита.

Дариус поднял глаза.

— Что?

— Ничего.

Осталась я.

Я вытерла ладонь о юбку. Глупо, потому что рука была сухой и холодной, как всегда. Слишком холодной, если верить тётке. Она говорила, что у меня «мертвечина в пальцах», когда я в детстве брала её за запястье. Не со зла. У нас дома многие вещи говорили не со зла, и от этого они не становились мягче.

— Мисс Вейн? — напомнил Дариус.

Я положила руку на камень.

Свет погас.

Не потускнел. Не изменил цвет. Просто исчез.

В лаборатории стало так тихо, что я слышала, как в дальнем углу капает вода. Или что-то похожее на воду. В Аверне лучше не делать поспешных выводов о жидкостях.

Дариус моргнул.

— Уберите руку, пожалуйста.

Я убрала.

Камень остался тёмным.

— Возможно, артефакт разрядился, — сказал он.

Голос был почти обычный. Почти.

Он взял камень, перевернул, коснулся двумя пальцами одной из прожилок. Ничего. Достал из внутреннего кармана тонкую металлическую иглу, приложил к поверхности. Игла почернела на кончике.

— Это плохо? — спросил Норрис.

Верена шикнула на него.

Дариус поставил камень обратно и взял другой с соседнего стола. Новый камень светился ярче, живее. Он положил его передо мной.

— Ещё раз.

Я посмотрела на него.

— Вы уверены?

Он не ответил.

Я коснулась второго камня.

Тот погас быстрее первого.

У Лукаса изменилось лицо. Не сильно, но я заметила: открытая доброжелательность сменилась вниманием. Тавита перестала улыбаться.

Дариус стоял неподвижно. Потом резко закрыл журнал.

— Перерыв десять минут. Никто не трогает оборудова-

ние.

— Но занятие только началось, — сказала Верена.

— Перерыв, мисс Лоус.

На этот раз спорить она не стала.

Все вышли в коридор, кроме меня. Я тоже хотела выйти, но Дариус произнёс:

— Мисс Вейн, останьтесь.

Тавита задержалась у двери. Я кивнула ей: иди. Она ушла неохотно.

Дариус обошёл стол, взял оба камня щипцами и положил в медную чашу. Потом прикрыл чашу крышкой с печатью.

— Вы знали о такой реакции до поступления?

— Нет.

— В вашей карте указано, что профиль не классифицирован.

— Я читала карту.

— Были случаи неконтролируемого угасания малых духов? Самопроизвольного разрыва призывов? Нарушения работы домашней магии?

Я вспомнила лавку отца. Весы, которые всегда вваливались, если я стояла рядом. Свечи в храме Норбриджа, гаснувшие, когда меня заставляли молиться у могилы отца. Соседскую девочку, которая клялась, что видела в сарае призрак деда, пока я не вошла туда и она не заплакала от обиды, потому что призрак пропал.

— Нет, — сказала я.

Дариус посмотрел на меня так, будто не поверил, но был слишком хорошо воспитан, чтобы сказать.

— До оценки профессором Март вы освобождены от прямого контакта с активированными артефактами.

— Я сломала камни?

— Вы их... разрядили.

— Это одно и то же?

— Нет. Сломанные вещи иногда чинятся проще.

Он пожалел о фразе сразу. Я увидела это по глазам.

— Замечательно, — сказала я. — Первый практический день, а я уже полезнее молотка.

— Мисс Вейн...

— Можно идти?

Он сжал губы.

— Да. Но ни с кем это не обсуждайте.

Я посмотрела на медную чашу.

— Думаете, никто не заметил?

— Я думаю, слухи движутся быстрее фактов. Дайте кафедре хотя бы час преимущества.

В коридоре меня ждала Тавита. Она стояла у окна и делала вид, что изучает расписание на стене.

— Ну? — спросила она.

— Меня попросили ни с кем не обсуждать.

— Прекрасно. Тогда я буду спрашивать жестами.

— Я погасила второй камень тоже.

— О.

Мы пошли молча. Иногда молчание лучше сочувствия. Особенно когда сочувствие пришлось бы собирать наспех из фраз вроде «наверное, это редкость» и «зато тебя запомнят».

На повороте к лестнице стоял Кай Мюллер, тот самый старшекурсник, который вчера предупредил меня о Блэке.

Теперь, при ярком свете коридора, тени под его глазами казались ещё глубже. Не красивыми. Больными. У него были длинные пальцы с коротко обкусанными ногтями. Он смотрел на меня, не скрываясь.

— Теперь и камни? — спросил он.

Тавита сразу напряглась.

— Опять вы? — сказала я.

— Я же говорил: ты гадишь.

Это слово прозвучало слишком точно.

— Я не знаю, что я делаю.

Он усмехнулся. Без веселья.

— Хороший ответ. Держись его.

— Почему?

Кай посмотрел по коридору в сторону лаборатории. Дариус как раз вышел оттуда с медной чашей в руках и быстро пошёл к преподавательскому крылу.

— Потому что объяснения здесь редко помогают тем, кого объясняют.

— Ты всегда говоришь так, будто выдаёшь последнюю страницу книги?

— Нет. Раньше я был разговорчивее.

Тавита шагнула чуть вперёд.

— Тебе что-то нужно?

Он впервые посмотрел на неё. Мягче, но устало.

— Ей — да. Мне уже нет.

— Очень успокаивает.

Кай снова обратился ко мне:

— Это лучшее, что могло случиться. И худшее. Зависит от того, кто заметит.

— Кто должен заметить?

Он не ответил. Просто ушёл вниз по лестнице на Уровень -2, хотя первокурсникам туда без сопровождения пока запрещали.

Тавита проводила его взглядом.

— Я начинаю понимать, почему у вас на севере любят длинные плащи и плохие новости.

— Он не с севера.

— Это не мешает ему быть погодным явлением.

Я хотела рассмеяться, но не вышло.

Остаток дня прошёл неровно. На лекции по академической этике я записывала правила и думала о слове «гасишь». В столовой люди старались не смотреть на меня слишком явно. Верена не старалась. Лукас сел напротив, спросил, можно ли, и говорил о библиотечном доступе так, будто ничего странного не произошло. За это я была ему благодарна, хотя знала: он тоже думает о камне.

Вечером я пошла в административный зал, чтобы сдать

форму на выдачу дополнительных учебников. Писец-призрак работал за столом. При моём приближении перо снова замедлилось, но не упало. Прогресс.

— Фамилия, — сказал он.

— Вейн.

— Запрос?

— Дополнительный доступ к базовой библиотеке. Учебные издания.

Перо писало. Потом остановилось на секунду.

— Вам назначено собеседование.

— Кем?

— Профессором Идой Март. Завтра, шестнадцать ноль-ноль.

— По поводу камней?

Писец посмотрел сквозь меня.

— По поводу вас.

Я забрала расписку.

В коридоре уже темнело, если это слово подходило месту без настоящего неба. Искусственный свет под куполом становился мягче, похожим на вечер. Белое дерево во дворе звенело табличками. Я остановилась у окна и прислонилась лбом к холодному стеклу.

Я хотела понять, что чувствую. Страх, наверное. Ещё злость. Любопытство, от которого мне самой становилось неприятно. Нормальный человек после такого хотел бы быть обычным.

Я хотела знать, почему.

Это был плохой признак.

У себя в комнате я достала из чемодана фотографию матери и поставила её ровнее. Она, как всегда, смотрела не на меня. На кого-то за пределом кадра. Когда я была маленькой, мне казалось, что она вот-вот повернётся. Потом я выросла и перестала ждать.

На столе лежал список чтения. Внизу — статьи Квентина Блэка.

Я взяла верхнюю.

«К вопросу о голосовой целостности после порогового восстановления».

Автор: профессор К. Блэк.

Дата: восемьдесят два года назад.

Бумага была новая, библиотечная копия. Но текст начался так, будто его написал человек, который слишком хорошо знает, что значит потерять чей-то голос.

Я читала до полуночи.

За стеной Тавита один раз постучала и спросила:

— Чай будешь?

— Нет.

— Ладно.

Её шаги ушли.

Я перевернула страницу.

Где-то глубоко под академией что-то тихо ударило в камень. Один раз. Потом ещё.

Возможно, трубы.

Возможно, нет.

Я продолжила читать.

ГЛАВА 4

Холодная точка

Библиотекарь не моргнул ни разу, пока я заполняла запрос.

Это было труднее не замечать, чем я ожидала. Живые люди моргают неравномерно: чаще, когда нервничают, реже, когда притворяются спокойными, иногда вовсе забывают, если слишком увлечены. У библиотекаря глаза оставались открытыми с такой вежливой неподвижностью, что мне захотелось проверить, дышит ли он.

Потом я вспомнила, где нахожусь, и не стала.

— Цель доступа? — спросил он.

Голос у него был мягче, чем у писца в административном зале. Почти человеческий. Только слова выходили с маленькой паузой перед каждым существительным, будто он доставал их из ящика.

— Базовое чтение по списку первого курса. И публикации профессора Квентина Блэка.

Перо в его руке продолжало двигаться, хотя сама рука отставала на полсекунды. Чернила появлялись раньше касания. За его плечом тень наклонялась в другую сторону, не туда, куда падал свет.

— Публикации профессора Блэка находятся в общем каталоге, секция «Пороговая практика и мнемоническая фиксация». Часть материалов доступна только с разрешения кафедры.

— Мне пока хватит доступных.

— Пока, — повторил библиотекарь.

Он сказал это без выражения, но мне не понравилось, как слово осталось между нами.

Библиотека Аверна занимала весь восточный сектор Уровня -1 и спускалась на два пролёта ниже. Снаружи дверь была обычная, тяжёлая, с медной табличкой. Внутри пространство раскрывалось так широко, что первое мгновение я не поверила глазам.

Полки уходили вверх на пять этажей, соединённые галереями и лестницами. В центре висела люстра из белых огней, каждый огонь — в стеклянной сфере, каждая сфера медленно вращалась, отбрасывая на стены круги света. Дальние ряды тонули в сумраке. Между ними двигались студенты, преподаватели, несколько призрачных помощников и один маленький уборочный скелет с метёлкой, который остановился, когда я прошла мимо, и повернул череп мне вслед.

— Не принимай близко к сердцу, — сказала Тавита у меня за спиной. — Он так смотрит на всех. У него нет лица для других выражений.

Она пришла со мной «за компанию», хотя на самом деле хотела посмотреть отдел южных спирологических практик.

Её список чтения выглядел иначе, чем мой: больше предков, меньше формул, больше слов, которые я не умела правильно произносить.

— Ты уверена, что тебе не нужно на занятия?

— Через час. А у тебя собеседование с профессором Март только в четыре. Успеешь испортить себе настроение книгами.

— Утешительно.

— Я стараюсь.

Мы получили временные карточки доступа. Моя была тонкой, костяной, с чёрной полосой по краю. Когда я взяла её, полоска побледнела, потом снова стала чёрной. Библиотекарь посмотрел на это, но ничего не сказал. Я уже начинала ценить людей, которые ничего не говорили.

— Секция Блэка туда, — Тавита кивнула на правую галерею. — Моя — вниз. Встретимся у стола через час?

— Если меня не съест каталог.

— Каталог ест только тех, кто врёт в запросах.

— Откуда ты знаешь?

— Уверенно придумываю.

Она ушла вниз, легко перескакивая через две ступени. В её движениях было что-то от человека, выросшего рядом с водой: равновесие без усилия. Я посмотрела ей вслед и поймала себя на зависти. Не к походке. К тому, как просто она занимала место в мире.

Секция пороговой практики пахла сухой кожей переплё-

тов, пылью и едва заметной пылью. Полки были подписаны аккуратными латунными пластинами: «Порог смерти», «Стабилизация личности», «Энергетический обмен», «Ошибки восстановления». Последняя полка показалась мне честнее остальных.

Работы Блэка занимали почти целую стойку.

Не один том. Не пять. Десятки статей, монографии, лекционные записи, комментарии к чужим трактатам, протоколы исследований. Я провела пальцем по корешкам. Даты заставляли кожу между лопатками сжиматься.

«О голосовой целостности после порогового восстановления». Восемьдесят два года назад.

«Мнемоническая фиксация и пределы личностного следа». Семьдесят девять.

«Порог как нарративная граница». Шестьдесят один.

«К вопросу о добровольности ритуального обмена». Двадцать.

«Ошибки милосердия в поздней некромантической практике». Три года назад.

Я сняла последнюю с полки. Бумага была плотная, академическое издание с комментариями. На первой странице — портрет автора. Гравюра, старая по стилю, но лицо на ней выглядело не старше тридцати восьми. Высокий лоб, тёмные волосы, прямой рот. Красивое лицо, если не ждать от него тепла. Подпись: «Профессор Квентин Блэк, кафедра высшей некромантии».

Даты под портретом не было.

Я открыла статью на первой странице.

«Некромант, называющий своё вмешательство спасением, должен первым делом спросить, кого именно он спасает: мёртвого от смерти или себя от утраты».

Я перечитала фразу дважды. Потом закрыла книгу.

В таких текстах всегда есть опасность: они заставляют умного человека звучать честным.

Я набрала целую стопку и устроилась за дальним столом у окна. Окно выходило не наружу, а в вертикальную шахту библиотеки. Внизу виднелся следующий уровень: ещё полки, ещё свет, ещё люди, уменьшенные расстоянием. Где-то скрипела тележка. Где-то шептались. Перо царапало бумагу. Нормальные библиотечные звуки, если забыть, что половина тех, кто здесь работал, давно не должна была работать.

Я читала медленно.

У Блэка был неприятный стиль. Чистый, точный, без снисхождения к читателю. Он не украшал там, где можно было резать. Каждая мысль вставала на место с холодным щелчком. Я ловила себя на том, что спорю с ним на полях в собственной тетради, потом через страницу нахожу ответ на своё возражение и злюсь.

Он не был тем учёным, который давит авторитетом. Он был хуже. Он оставлял тебе пространство дойти до вывода самой, а потом выяснялось, что он уже стоит там и смотрит, сколько времени тебе понадобилось.

Через полчаса у меня заболела шея. Я поднялась, чтобы найти упомянутый в статье ранний протокол Кейна. Каталог указал: «История некромантических семей. Нижний сектор. Полка 12-Г».

Нижний сектор встретил холодом.

Сначала я подумала, что это просто глубина. Чем ниже в Аверне, тем холоднее, это уже стало правилом. Но холод здесь имел форму. Он не висел в воздухе равномерно, а стоял у дальнего стеллажа, вытянутый, узкий, почти человеческий. От него не шёл пар, не покрывались инеем полки. Просто кожа на руках стала слишком плотной, а дыхание — осторожным.

Я остановилась.

У нормального человека в такой момент есть несколько разумных вариантов. Позвать библиотекаря. Вернуться наверх. Сделать вид, что ничего не видела. У меня тоже были эти варианты. Я даже перечислила их в голове.

Потом пошла ближе.

Холод не двигался. Чем ближе я подходила, тем слабее он становился, будто моё присутствие не приближало меня к нему, а стирало его. На расстоянии трёх шагов от стеллажа он дрогнул. На расстоянии одного — исчез.

На полке передо мной стояли родословные книги старых некромантских семей. Толстые, с металлическими застёжками, которые давно не открывали для обычных студентов. Карточка каталога торчала из одной: «Кейн. Побочные ли-

нии. Академические записи».

Я не помнила, чтобы искала именно это имя.

Книга оказалась тяжёлой. Я положила её на ближайший пюпитр, открыла осторожно. Страницы пахли сухими травами и старым клеем. Родословное дерево занимало разворот. ветви, даты, браки, смерти, примечания о магическом ранге.

В середине страницы одно имя было обведено чёрными чернилами.

Леон Кейн.

Рядом: «Призыватель. Пороговая специализация. Академия Аверн. Летальный инцидент, год...»

Дата была смазана. Не временем. Чернила вокруг неё расплылись, словно кто-то коснулся страницы мокрым пальцем совсем недавно.

Я наклонилась.

Чернила в круге блестели.

Свежие.

В библиотеке кто-то прошёл между полками. Шаги были лёгкими, но я вздрогнула так резко, что едва не задела страницу.

— Ничего себе, — сказала Тавита.

Я обернулась.

Она стояла в проходе с двумя книгами под мышкой. На лице — любопытство, но без улыбки.

— Ты всегда так подкрадываешься?

— Я трижды сказала твоё имя. Ты не ответила. Потом

я решила, что либо ты нашла что-то интересное, либо тебя съел каталог.

Я закрыла книгу.

— Нашла имя.

— Судя по твоему лицу, имя нашло тебя первой.

— Леон Кейн. Он упоминается в ранних работах Блэка.

— Коллега?

— Не знаю.

Тавита подошла ближе. На месте, где был холод, теперь ничего не чувствовалось. Даже обычная сырость нижнего сектора казалась слабее.

— Здесь было странно, — сказала я.

— Определи «странно» для академии, построенной в некрополе.

— Холод. Как будто кто-то стоял.

Она не стала смеяться.

— А теперь?

— Теперь нет.

Тавита посмотрела на мои руки, потом на закрытую книгу.

— Эйра.

— Что?

— Может, ты не просто гасишь артефакты.

Я провела пальцем по застёжке книги. Металл потеплел от кожи, хотя мои руки обычно ничего не согревали.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я продолжаю то, что уже началось без меня.

Наверху пробили часы. Звук прошёл через библиотеку мягкими ударами.

Час до собеседования.

Я вернула книгу на полку. Мне хотелось забрать её с собой, но это было бы глупо. Или незаконно. В Аверне эти понятия, кажется, пересекались не всегда.

Когда мы поднялись к главному столу, библиотекарь повернул голову раньше, чем мы подошли.

— Вы нашли необходимое? — спросил он.

— Частично.

— Частичное знание редко успокаивает.

— Вы говорите как человек, которому приходилось наблюдать студентов перед экзаменом.

— Приходилось, — сказал он.

— Давно?

Его лицо на миг стало пустым. Не печальным. Просто без программы.

— Да.

Тавита ткнула меня локтем: хватит мучить библиотечных призраков.

Я сдала книги, оставив себе только две статьи Блэка и учебник по пороговой теории. Карточка доступа в моей руке снова побледнела, когда библиотекарь провёл над ней пальцами.

— Вам стоит избегать нижнего сектора без сопровождения.

— Почему?

— Там плохо держатся некоторые формы памяти.

— Память может держаться плохо?

— Всё может, мисс Вейн.

Он вернул карточку.

У кабинета профессора Март я оказалась без пяти четвере. Дверь была приоткрыта. Внутри пахло бумагой, чаем и лекарственной горечью. На стене висела карта Аверна с отмеченными учебными зонами. Уровень -5 на ней отсутствовал. На его месте была пустая полоска пергамента, слишком аккуратная, чтобы быть случайной.

— Войдите, — сказала Март, хотя я ещё не постучала.

Она сидела за столом и читала мою карту. Рядом лежал отчёт Дариуса. Два погасших камня, судя по схеме, уже успели превратиться в официальный случай.

— Садитесь.

Я села.

Кресло было неудобным. Возможно, намеренно.

Март закрыла папку.

— У вас редкий профиль.

— Насколько редкий?

— Достаточно, чтобы у кафедры было больше вопросов, чем ответов. Недостаточно, чтобы вы считали себя особенной.

— Я постараюсь.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Что именно произошло вчера с якорными камнями?

— Я коснулась. Они погасли.

— Что вы почувствовали?

— Ничего.

— Боль? Тепло? Давление?

— Нет.

— Эмоциональную реакцию?

Я чуть не сказала «раздражение», но удержалась.

— Нет.

Март сделала пометку.

— Ваша способность предварительно классифицируется как инверсионное заземление. Это рабочее название. Вы не уничтожаете жизненную энергию, иначе камни разрушились бы. Вы переводите активный заряд в нейтральное состояние.

— Это плохо?

— Это зависит от того, где вы стоите.

— Вчера я стояла у стола.

— Мисс Вейн.

— Простите.

Она не выглядела рассерженной. Скорее усталой. На столе стояла чашка, чай в ней остыл. У преподавателей Аверна была привычка забывать о чае. Может быть, это входило в квалификацию.

— Пока вы не пройдёте оценку, вам запрещён прямой

контакт с активными призраками, якорными камнями, ритуальными кругами и студентами в состоянии открытого обмена. Ваша учебная программа будет скорректирована.

— Меня отчислят?

— Нет.

Ответ был быстрым.

Я не поняла, облегчение это или новая причина насторожиться.

— Почему?

— Потому что академия существует для изучения редких случаев, а не для изгнания их за дверь.

Она сказала это так ровно, что почти хотелось поверить.

— И потому что профессор Блэк уже запросил копию вашего отчёта.

Вот теперь стало тише.

— Зачем?

— Вероятно, потому что он умеет читать.

— Я имела в виду...

— Я знаю, что вы имели в виду.

Март сняла очки, протёрла стекло. Движение было неожиданно бытовым.

— Квентин Блэк интересуется всем, что нарушает принятую модель пороговой практики. Ваш профиль нарушает её довольно грубо.

— Я должна беспокоиться?

— Вы должны учиться беспокоиться продуктивно. Беспо-

койство само по себе редко спасает.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который вы получите сегодня.

Разговор закончился через десять минут. Мне выдали дополнительные ограничения, отдельный график наблюдений и разрешение работать в библиотеке с расширенным доступом к базовым материалам. На выходе Март остановила меня.

— Мисс Вейн.

Я обернулась.

— Да?

— Если рядом с вами что-то исчезает, гаснет или замолкает, сначала отойдите на три шага. Потом зовите преподавателя. Именно в таком порядке.

— А если оно не замолкает?

Она смотрела на меня слишком долго.

— Тогда особенно.

В коридоре было пусто. Я пошла к лестнице, чувствуя в кармане сложенный лист с новыми правилами. На середине пролёта остановилась.

Снизу, с Уровня -2, тянуло холодом.

Не таким, как в библиотеке. Там холод стоял. Здесь он поднимался, как дыхание.

Мне показалось, что кто-то тихо сказал имя.

Не моё.

Леон.

Я не пошла вниз. Я была не настолько глупой.

Я пошла к себе, закрыла дверь и положила лист с правилами на стол.

Потом достала тетрадь и написала на первой странице:

«Леон Кейн».

Подумала.

Добавила:

«Почему свежие чернила?»»

ГЛАВА 5

Первое предупреждение

Кай Мюллер ждал меня у аудитории с таким видом, будто не уходил со вчерашнего дня.

Утром коридоры Аверна пахли кофе, влажными плащами и горячим металлом от отопительных труб, спрятанных в стенах. Студенты двигались быстрее обычного: очередной учебный день уже лишил многих торжественности первого. Кто-то ел на ходу, кто-то повторял термины, кто-то пытался одновременно застегнуть мантию и дочитать параграф. Нормальная жизнь стремительно отвоёвывала себе место у готического ужаса.

Кай стоял в стороне от этой жизни.

Та же мятая мантия старшего курса. Те же тени под глазами. На этот раз в руках у него была книга, но он держал её закрытой, пальцем между страниц, будто чтение только повод не выглядеть ожидающим.

— Ты ходила в библиотеку вчера, — сказал он, когда я подошла.

Это не был вопрос.

Я остановилась.

— Доброе утро тоже подойдёт.

— Нижний сектор?

Мимо прошли двое студентов. Один посмотрел на нас, узнал Кая и быстро отвернулся. Интересно.

— Почему тебя это волнует?

— Потому что у тебя лицо человека, который нашёл имя. Я ничего не сказала.

Он воспринял это как ответ.

— Леон, — произнёс он очень тихо.

Кожа на руках стала холоднее.

— Ты его знал?

Кай усмехнулся. Вышло плохо.

— Нет. В этом вся прелесть. Никто не знает Леона. Все только живут с последствиями.

Двери аудитории ещё были закрыты. До занятия оставалось семь минут. Семь минут — мало для разговора, который уже начинал пахнуть бедой, но достаточно, чтобы испортить день.

— Что ты хочешь? — спросила я.

— Чтобы ты перестала искать.

— Ты даже не знаешь, что я ищу.

— Знаю. Ответ. Объяснение. Причину, по которой всё кажется неправильным, хотя вокруг все делают вид, что это учебный процесс.

Я сложила руки на груди.

— Ты репетировал?

— Три года.

В этой фразе не было шутки.

Он посмотрел через плечо. У дальнего окна стояла Тавита, разговаривала с Норрисом, но явно следила за нами. Хорошо. Если Кай решит начать пророчествовать кровью на стенах, у меня будет свидетель.

— Я учусь здесь пять лет, — сказал он. — Два из них был ассистентом профессора Блэка.

Вот оно.

Имя прозвучало спокойно, но коридор вокруг словно стал уже. Я вспомнила список статей, холодный нижний сектор, свежие чернила вокруг имени Леона. Вспомнила, что Блэк запросил мой отчёт. Вспомнила, как Март сказала: «Беспокойтесь продуктивно».

Я пока беспокоилась обычно.

— И? — спросила я.

— И это было неправильно с самого начала. Я просто слишком долго не хотел замечать.

Кай говорил без нажима. Не как человек, который пытается убедить. Скорее как тот, кто однажды уже кричал, но никто не пришёл, и теперь он бережёт голос.

— Что именно было неправильно?

— Всё, что казалось честью.

— Конкретнее.

Он посмотрел на дверь аудитории. Студенты уже собирались ближе, ждали преподавателя. Верена Лоус прошла мимо нас и замедлила шаг, явно желая услышать. Я улыбнулась

ей самым скучным образом. Она ушла.

— Быть его ассистентом, — сказал Кай, — сначала похоже на подарок. Он умнее всех вокруг, и рядом с ним ты тоже начинаешь думать, что становишься умнее. Он не хвалит. Почти никогда. Но если однажды говорит «точно», ты неделю живёшь на этом слове. Он не просит больше, чем ты сам готов дать. В этом проблема. Он делает так, что ты всё время готов дать больше.

— Это звучит как плохой наставник, не как тайный ужас.

— Плохой наставник берёт твоё время. Он берёт то, чем ты являешься, и объясняет, что это необходимо для работы.

Мне не понравилось, что я поняла.

— Ритуальный обмен?

Кай отвёл взгляд.

— В том числе.

— В учебной программе сказали, что он добровольный.

— Он и есть добровольный. Формально. Это его любимое слово, хотя он произносит его редко.

Из аудитории донёсся шум: пришёл Дариус, студенты начали входить. У меня было занятие по истории пороговой практики. Я не хотела идти. Я хотела остаться и вытащить из Кая всё, пока он не передумал.

— Почему ты ушёл? — спросила я.

Он медленно посмотрел на меня.

— Потому что однажды понял, что не знаю, кому говорю «да».

— Ему?

— Вот именно.

Пауза.

Тавита подошла к нам ближе. Не вмешалась. Просто встала рядом, как человек, который случайно оказался тут и случайно готов ударить книгой.

Кай заметил и почти улыбнулся.

— Хорошая подруга.

— Она сама решит, хорошая ли я, — сказала Тавита.

— Уже решила, — ответила она.

Мне стало теплее. Некстати, но стало.

— Если он тебя заметит, — Кай снова говорил мне, — а он заметит, потому что ты гашишь, а это для него как маяк, ты должна сказать нет. Просто нет.

— Почему ты сам не сказал?

Его лицо изменилось. Совсем немного. Как если бы кто-то положил палец на старый синяк.

— Сказал. Только слишком поздно.

Дариус выглянул из аудитории.

— Мисс Вейн? Занятие начинается.

Кай закрыл книгу. Я только теперь увидела название: «Этические отклонения в долгосрочных ритуалах». Весёлое чтение для утра.

— Ты можешь считать меня сломанным бывшим ассистентом, — сказал он. — Это даже будет частично правдой. Но если профессор Блэк предложит тебе работу, доступ, ис-

следование, частные занятия, редкую возможность, что угодно ещё в красивой обёртке, сначала вспомни меня.

— Ты не похож на убедительную рекламу своих решений.

— Я и не рекламирую решения. Я показываю последствия.

Он ушёл, не попрощавшись.

На занятии я почти ничего не записывала. Дариус рассказывал о ранних школах пороговой мысли, о спорах между материалистами и спирологами, о том, считать ли призванную тень личностью или остаточным рисунком. Всё это было важно. Наверное. Но слова скользили мимо.

В тетради у меня появилась фраза:

«Не знаю, кому говорю да».

Я обвела её, потом зачеркнула, потому что это выглядело слишком драматично.

Тавита после занятия забрала у меня тетрадь, посмотрела на пустые страницы и вернула.

— Познавательно.

— Я думала.

— Опасная привычка. У нас дома за такое заставляли чистить рыбу, чтобы руки занять.

Мы пошли в столовую. По дороге я рассказала ей разговор с Каем, кроме некоторых деталей, которые всё ещё звучали слишком личными, хотя были не обо мне. Тавита слушала внимательно, не перебивая. Это у неё было редкое умение: она не торопилась заполнить паузы собой.

В столовой давали густой суп, хлеб и яблоки. Я взяла всё. Страх делает меня голодной; это всегда казалось несправедливым. Хотелось быть человеком, который от тревоги не может есть, выглядит бледно и поэтически страдает. Вместо этого я съедала хлеб быстрее, чем успевала думать.

— Он говорил о Блэке как о явлении природы, — сказала Тавита, когда я закончила.

— Может, он и есть явление природы.

— Явления природы не предупреждают. Они просто случаются.

— У нас дома перед бурей иногда болели колени у соседки.

— Это не предупреждение. Это соседка.

Она откусила яблоко и поморщилась.

— Кислое.

— Дай сюда.

— Тебе нравится кислое?

— Мне нравится, когда за еду уже заплачено.

Она отдала яблоко.

Несколько минут мы ели молча. За соседним столом спорили о том, кто из профессоров строже. Имя Блэка всплыло дважды. В первый раз — шёпотом. Во второй — с нервным смехом. Я прислушалась.

— Он вообще не ведёт младшие курсы, — говорил Норрис кому-то. — Только специальные модули и старшие практики. Мой кузен видел его лекцию один раз. Сказал, после

неё неделю не мог писать обычные эссе, потому что все фразы казались глупыми.

— А внешне? — спросила девушка рядом.

— Что внешне?

— Ну, он правда такой?..

— Какой?

— Ты понимаешь.

— Нет.

— Да ладно.

Норрис покраснел и уткнулся в суп.

Тавита заметила мой взгляд.

— Интересуешься погодными явлениями?

— Интересуюсь преподавателями, которые запросили мой отчёт после первого же занятия.

— Конечно.

— Это не то, что ты думаешь.

— Я думаю, что ты хочешь понять. Это хуже.

Она была права. Я не сказала ей этого, чтобы не создавать опасную привычку.

После обеда у нас был свободный час. Тавита пошла на вводную встречу своего направления, а я вернулась в библиотеку. Сказала себе, что нужно взять учебник. Взяла три статьи Блэка и одну книгу о семье Кейн.

Нижний сектор сегодня был закрыт.

На лестнице стояла тонкая цепочка с табличкой: «Временная стабилизация архивного фона. Доступ ограничен».

Я стояла перед ней минуты две, как идиотка, которая надеется, что запрет смутится и уйдёт.

— Не советую, — сказал библиотекарь у меня за спиной.

Я не вздрогнула. Почти.

— Там опасно?

— Там нестабильно.

— Разница?

— Опасность иногда имеет намерение. Нестабильность обходится без него.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы стало хуже?

— Нет. Иногда я молчу.

Он протянул мне тонкую папку.

— Запрошенные вами материалы о Леоне Кейне требуют разрешения кафедры.

Я уставилась на папку.

— Я ничего не запрашивала.

— Запрос был оформлен сегодня утром от вашего имени.

— Кем?

Библиотекарь опустил взгляд на карточку.

— Доступ профессора К. Блэка.

В животе стало пусто.

— Он запросил материалы для меня?

— Формально — на ваше имя. Фактически — через свой допуск.

— Почему?

— Я библиотекарь, мисс Вейн. Я выдаю книги. Мотивы

читателей редко сдаются вместе с карточками.

Папка оставалась в его руке. Я не взяла.

— Что внутри?

— Разрешённая часть архивной справки. Биографические записи. Академический статус. Некролог.

Некролог.

Слово упало слишком тяжело для человека, которого я не знала.

Я взяла папку.

— Спасибо.

— Мисс Вейн.

— Да?

— Некоторые материалы ищут читателя активнее, чем читатель ищет их.

— Это предупреждение?

— Это наблюдение.

Я села за тот же дальний стол у окна. Папка лежала передо мной, и я чувствовала себя глупо. Бумага не кусается. Архивные справки не нападают на студенток. Хотя в Аверне, возможно, это зависело от факультатива.

Внутри было всего восемь листов.

Леон Кейн. Родился сто двадцать восемь лет назад. Поступил в Академию Аверн в семнадцать. Специализация: пороговая стабилизация, спирологическая фиксация. Ранг на момент последней аттестации: призыватель высшего уровня с якорным потенциалом. Научный руководитель: профессор

Гален Вирс. Академический партнёр в нескольких проектах:
Квентин Блэк.

Я задержалась на последней строке.

Партнёр.

Дальше шли выдержки из работ. Одна — совместная.
Подписанная двумя именами: Л. Кейн, К. Блэк. Дата — сто
лет назад.

Потом — сухой протокол инцидента.

«В ходе экспериментального ритуала высшего класса произошёл необратимый пороговый распад личности объекта К. Л. Состояние тела признано несовместимым с дальнейшим удержанием жизненного процесса. Ответственный практик: Квентин Блэк. Свидетели: закрыто. Материалы: ограниченный доступ».

Ниже — некролог из академического вестника.

«Леон Кейн, один из самых перспективных исследователей своего поколения...»

Я закрыла папку.

В библиотеке кто-то тихо кашлянул. На галерее над головой прошёл студент. Его шаги отдавались в металле.

Квентин Блэк запросил для меня архивную справку о мёртвом человеке, чьё имя вчера было обведено свежими чернилами в старой книге.

Это могло быть случайностью. Наверное. В мире, где призраки работают библиотекарями, а камни гаснут от моей руки, случайности ещё должны были где-то жить. Бедные, за-

гнанные, но живые.

Я вернула папку и вышла.

Вечером Тавита пришла ко мне с двумя кружками чая и лицом человека, который собирается не отговаривать, а присутствовать при катастрофе.

— Ну? — сказала она.

Я рассказала ей про папку.

Она слушала, сидя на подоконнике. За окном белое дерево звенело табличками. Одна табличка оторвалась, упала на землю, и маленький скелет-садовник поднял её, поворчал беззвучно и полез крепить обратно.

— Он сам дал тебе имя, — сказала Тавита.

— Или проверяет, что я сделаю.

— И что ты сделаешь?

— Прочитаю всё, что найду.

— Разумеется.

— Не говори таким голосом.

— Каким?

— Будто я уже полезла в гробницу с табличкой «смерть».

— Я бы сказала, если бы табличка была. Пока вижу только «академический интерес, возможно, с зубами».

Она протянула мне чай.

— Кофе будешь?

— Это чай.

— Я тренирую провисающие разговоры. Вдруг пригодится.

Я взяла кружку и впервые за день рассмеялась.

Позже, когда она ушла, я снова открыла статью Блэка. На этот раз читала не как студентка. Как человек, который ищет трещины.

В полночь в коридоре за дверью кто-то остановился.

Я подняла голову.

Шагов не было. Только присутствие. Тихое, почти вежливое.

— Тавита? — позвала я.

Никто не ответил.

Через несколько секунд под дверью скользнула тень. Не внутрь. Мимо.

Я подошла, резко распахнула дверь.

Коридор был пуст.

На полу у порога лежал маленький листок. Не записка. Вырванный фрагмент из старой книги. На нём была всего одна строка, выцветшая, но читаемая:

«Голос, сохранённый без тела, первым делом начинает искать того, кто его услышит».

Я подняла листок.

Бумага была ледяной.

ГЛАВА 6

Эксперимент

Дариус выглядел так, будто его назначили ответственным за небольшое стихийное бедствие и забыли выдать инструкцию.

Он стоял у стола в ритуальной аудитории на Уровне -2, перебирал карточки с именами студентов и старательно не смотрел на меня дольше двух секунд подряд. Сегодняшнее занятие называлось «Первичный призыв тени: наблюдение и контроль». После вчерашнего списка ограничений меня должны были посадить у стены и разрешить только смотреть.

Я была бы не против. Смотреть безопаснее. Особенно если смотреть издалека.

Но на столе перед Дариусом лежал якорный камень. Новый. Крупнее тех, что я погасила. Вокруг него были начерчены три круга: мел, соль и тонкая нить тёмного металла. Металл местами шевелился, хотя никто его не трогал.

Аудитория отличалась от верхних учебных залов. Ни окон, ни портретов, ни попыток казаться уютной. Каменные стены, сливные желобки у пола, шкафы с инструментами, запах соли, воска и старого дыма. На потолке висели белые лампы без пламени. Свет от них делал лица студентов плос-

кими.

— Сегодня вы не будете работать с полноценным призывом, — сказал Дариус. — Только с остаточной тенью. Это след, не личность. Он не обладает волей, памятью или правом на обращение.

— Правом? — тихо спросила Тавита.

Она стояла рядом со мной, руки скрещены, лицо недовольное.

— Юридический термин, — шепнула я.

— Я поняла. Поэтому и недовольна.

Верена вызвалась первой. Конечно. Она вошла в круг с видом человека, которому даже смерть должна была бы уступить очередь. Дариус дал ей тонкую костяную пластину.

— Пластина содержит остаточный след лабораторной мыши. Ваша задача — вызвать тень на три секунды и отпустить.

— Мыши? — переспросил Норрис.

— Да, мистер Норрис. Начинать с людей кафедра сочла неразумным.

Верена приложила пластину к центру круга, произнесла формулу. Воздух над камнем дрогнул. На мгновение появилась крошечная тень: не мышшь как тело, а память о движении. Острый нос, дуга спины, хвост. Она пробежала по внутреннему кругу и исчезла.

— Хорошо, — сказал Дариус. — Следующий.

Один за другим студенты вызывали тени. У кого-то получалось ровно, у кого-то тень распадалась, у Норриса мышшь

вышла слишком крупной и похожей на кролика. Он покраснел до ушей. Тавита вызвала тень так мягко, что та не метнулась, как другие, а остановилась возле её пальцев и будто принюхалась.

Дариус нахмурился.

— Мисс Фале, вы добавили элемент общения?

— Нет.

— Вы уверены?

— Я сказала «привет» мысленно. Это считается?

Он открыл рот, закрыл, записал что-то.

Я стояла у стены и пыталась быть мебелью.

Это почти удалось.

Пока один из студентов — парень по имени Элден, алый якорь с прошлого занятия — не потерял контроль.

Сначала всё выглядело обычно. Пластина, формула, дрожание воздуха. Тень появилась над камнем, только не мышиная. Человеческая рука. Тонкая, с длинными пальцами. Она вцепилась в край круга.

Кто-то вскрикнул.

Дариус резко поднял ладонь.

— Назад.

Тень потянулась выше. Теперь было видно плечо, часть лица без черт. Из круга пошёл холод. Не такой, как в библиотеке. Рваный, злой, слепой.

Элден побледнел.

— Я не...

— Отпустите пластину.

— Не могу.

Металлическая нить вокруг круга начала плавиться.

Дариус шагнул к столу, но тень ударила по внешнему кольцу, и соль вспыхнула чёрным. Студенты отступили. Кто-то толкнул меня плечом. Каменный пол под ногами вибрировал.

— Все к стене! — крикнул Дариус.

Он сам не отступил. Надо отдать ему должное: нервный он был или нет, но в круг полез первым.

Я увидела, как якорный камень в центре разгорается синим. Чем ярче становилась тень, тем сильнее светился камень. Они тянули друг друга. Элден стоял внутри, сжимая пластину, и у него из носа пошла кровь.

Дариус произнёс стабилизирующую формулу.

Тень повернула голову к нему.

У неё не было глаз, но я почувствовала взгляд.

Потом она посмотрела на меня.

Все эти слова неточные. У тени не было лица, шеи, намерения в человеческом смысле. И всё-таки я знала, когда она меня нашла.

Она потянулась.

Не к Дариусу. Не к Элдену.

Ко мне.

Я не подумала. Это важно. Позже я много раз пыталась сделать себя умнее в этой сцене, представить, что оценила

расстояние, силу круга, вероятные последствия. Нет. Я просто увидела, как тень тянется через плавающий металл, а Элден начинает оседать на пол, и шагнула вперёд.

— Мисс Вейн, назад! — крикнул Дариус.

Я схватила якорный камень.

Он был горячим.

Мгновение ничего не произошло. Потом вся сила ритуала ушла вниз через мои руки.

Не в меня. Через меня.

Ощущение было такое, будто под кожей открыли слив. Синий свет камня погас. Тень дёрнулась, потеряла форму и исчезла без звука. Не взорвалась, не рассыпалась, не закричала. Просто перестала быть.

В аудитории остался запах палёной соли.

Элден сел прямо в круге и вытер кровь рукавом. Кто-то плакал. Норрис повторял: «Это не была мышь», — пока Верена не сказала ему замолчать.

Дариус стоял напротив меня.

— Отпустите камень.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё сжимали его. Камень стал мёртвым, обычным, серым.

Я отпустила.

Он раскололся пополам.

— Ой, — сказала Тавита.

Это было так не к месту, что несколько человек нервно рассмеялись. Дариус не рассмеялся.

— Занятие окончено. Мистер Элден — в лазарет. Мисс Фале, проводите его. Остальные наверх. Немедленно.

— Я останусь, — сказала я.

— Нет.

— Это из-за меня.

— Именно поэтому нет.

В этом была логика, но мне она не понравилась.

Студенты начали выходить. Тавита задержалась возле меня.

— Ты цела?

— Да.

— Точно?

— Не знаю.

— Уже честнее.

Она пошла за Элденом. Он пытался сказать, что может сам, но ноги у него дрожали. Тавита взяла его под локоть так буднично, будто они просто шли на обед.

Через минуту аудитория опустела. Остались я, Дариус и расколотый камень.

Нет.

Не только.

В дверях стоял мужчина.

Я не слышала, как он вошёл. Может быть, он стоял там давно. Высокий, в тёмном костюме, который выглядел слишком безупречно для подземной ритуальной аудитории. Не преподавательская мантия. Никаких знаков ранга, никаких

украшений, кроме тонкого кольца на правой руке. Тёмные волосы, убранные назад. Лицо без выражения.

На первый взгляд ему было около тридцати пяти. На второй становилось ясно, что возраст к нему не совсем применим. Он двигался не как молодой человек и не как старый. Скорее как тот, кто не спешит, потому что уже видел, чем заканчивается спешка.

Он смотрел на меня.

Не на камень. Не на Дариуса. На меня.

В животе неприятно сжалось.

Дариус тоже заметил его и выпрямился так резко, будто позвоночник вспомнил о дисциплине.

— Профессор Блэк.

Значит, вот он.

Квентин Блэк вошёл в аудиторию. Каждый шаг был тихим, но пространство почему-то подстраивалось под него. Не магически. Хуже. Как люди в коридоре уступают дорогу тому, кто не просит.

Он остановился у стола, посмотрел на расколотый камень, на обугленную соль, на металлическую нить.

— Опишите, — сказал он.

Голос у него был низкий, ровный, вежливый. Я ожидала чего угодно: холода, властности, театральной мрачности. Но не этой спокойной точности.

Дариус быстро изложил: упражнение, сбой следа, попытка стабилизации, моё вмешательство.

Блэк слушал, не перебивая. Потом взял половину камня двумя пальцами. Я почему-то обратила внимание на его руки. Длинные пальцы, короткие ногти, ни пятнышка чернил. Руки человека, который мог бы быть хирургом, если бы хирургам позволяли работать с душами.

— Мисс Вейн, — сказал он.

Я заставила себя не отступить.

— Да.

— Что вы почувствовали, когда взяли камень?

— Жар.

— Потом?

— Как будто всё уходит вниз.

— Через вас или в вас?

Я замолчала.

Дариус посмотрел на меня с интересом, который не успел скрыть.

— Через меня, — сказала я. — Думаю.

— Почему?

— Если бы в меня, я бы сейчас лежала рядом с Элденом.

Угол его рта едва заметно изменился. Не улыбка. Скорее регистрация.

— Верно.

Одно слово.

Я поняла, что Кай имел в виду, и разозлилась на себя за это понимание.

Блэк положил обломок камня обратно.

— Мистер Вель, отчёт мне на стол через час. Без предположений. Только наблюдения.

— Да, профессор.

— Аудиторию закрыть до проверки контура.

— Конечно.

Он повернулся ко мне.

— Вы ранены?

— Нет.

— Покажите руки.

— Зачем?

Дариус издал тихий звук, похожий на подавленный кашель. Видимо, студенты здесь не часто спрашивали «зачем» таким тоном.

Блэк посмотрел на меня внимательнее. Его глаза были очень тёмными. При этом белки не казались белыми в свете ламп, и на миг я поняла странную фразу Норриса: «Он правда такой?» Да. Наверное, такой.

— Затем, мисс Вейн, что активный якорный камень после неконтролируемого призыва оставляет ожоги, если система разряда прошла через тело. Если вы предпочитаете обнаружить это позже, когда кожа начнёт отходить, я не стану настаивать.

Вежливо. Ужасно вежливо.

Я протянула руки.

Он не коснулся сразу. Сначала посмотрел. Потом взял моё запястье.

Его пальцы были тёплыми.

Это удивило сильнее, чем должно было. Я почему-то ожидала холода. От него пахло пылью и камнем после дождя. Не духами. Скорее местом, в котором он слишком долго жил.

Он перевернул мою ладонь, осмотрел пальцы. Там не было ожогов. Только серые следы от каменной пыли.

На секунду его рука застыла.

Очень коротко.

Дариус этого не заметил. Я заметила, потому что в этот миг в лице Блэка что-то перестало двигаться. Даже дыхание. Как будто он услышал внезапную тишину.

Потом он отпустил меня.

— Повреждений нет.

— Рада соответствовать.

Дариус посмотрел на потолок.

Блэк не улыбнулся.

— Ваше чувство юмора, вероятно, защитный механизм.

— А ваше отсутствие чувства юмора?

— Профессиональная экономия.

Я не хотела, но почти улыбнулась.

Это было нехорошо.

Он взял со стола карточку с моим именем, которую Дариус оставил рядом с журналом, и посмотрел на неё, хотя, кажется, уже знал.

— У вас сегодня нет других практических занятий?

— Нет.

— Будет разумно вернуться в жилой корпус.

— Разумно — не всегда убедительно.

— Зато часто продлевает жизнь.

— В академии это часть учебной программы?

— Здесь всё часть учебной программы, если вы достаточно внимательны.

Он сказал это и отвернулся к Дариусу, явно считая разговор законченным.

Я должна была уйти. Разумный человек ушёл бы, пока его не сделали частью другого отчёта.

Я задержалась.

— Профессор Блэк.

Он обернулся.

— Да?

— Вы запросили архивную справку Леона Кейна на моё имя.

Дариус резко посмотрел на него. Потом на меня. Потом сделал вид, что очень занят обугленной солью.

Блэк не изменился в лице.

Совсем.

И поэтому я поняла: попала.

— Да, — сказал он.

— Почему?

— Вы нашли его имя. Я предположил, что вам будет полезен корректный источник.

— Откуда вы знаете, что я нашла его имя?

— Библиотека сообщает о нестандартных обращениях с закрытыми материалами.

— Я не обращалась к закрытым материалам.

— Значит, закрытые материалы обратились к вам.

Я вспомнила свежие чернила, холодную бумагу у двери, строку о голосе без тела.

— Это обычное явление?

— В Аверне мало обычных явлений. Добрый день, мисс Вейн.

На этот раз меня действительно отпустили.

В коридоре я остановилась у стены и выдохнула. Руки не болели. Там, где он держал запястье, кожа казалась слишком живой. Это было глупо. Просто прикосновение. Врачебное, почти.

Я потерла ладонь о юбку.

Когда поднялась на Уровень -1, там уже ждали слухи. Они шептались быстрее студентов: Вейн погасила человеческую тень, Вейн разрушила ритуальный зал, Вейн чуть не убила Элдена, Вейн спасла Элдена, Блэк сам пришёл на занятие. Последняя часть волновала людей больше всего.

Тавита нашла меня у лестницы.

— Элден жив, в лазарете, драматично бледен и уже рассказывает, что почти видел посмертие.

— Он видел?

— Он видел пол. Но пол был очень близко.

— Хорошо.

— Что случилось после?

— Профессор Блэк.

— О.

— Это всё?

— Я пока выбираю между пятью вопросами и одним плохим советом.

— Начни с совета.

— Не делай вид, что тебе не интересно.

— Совет правда плохой.

— Я предупреждала.

Мы пошли в сторону жилого корпуса. У поворота я оглянулась вниз, к лестнице на Уровень -2.

Квентин Блэк стоял там, на нижней площадке, и разговаривал с Дариусом. Вернее, Дариус говорил. Блэк слушал. Потом вдруг поднял глаза.

Наши взгляды встретились не через зал, не красиво, не как в романах.

Просто я стояла там, где не должна была задерживаться, а он заметил.

И не отвёл взгляд первым.

— Эйра, — сказала Тавита.

— Иду.

Я пошла.

За спиной нижний уровень снова пахнул холодом, но теперь в этом холоде было что-то ещё.

Полынь.

ГЛАВА 7

Первый разговор

Квентин Блэк прочитал её досье за неделю до прибытия поезда.

Бумаги прислала Ида Март. Она всегда присылала ему всё, что считала «структурно неудобным», как будто неудобство было отдельной научной категорией. В сопроводительной записке значилось:

«Поступающая Эйра Вейн. Провинциальная стипендия. Неклассифицированный профиль. Аттестационная комиссия зафиксировала инвертированный жизненный фон. Прошу взглянуть, когда будет время».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.